

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

РОССИЙСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Путь к региональному суверенитету

СЦЕНАРИЙ «ИКС»

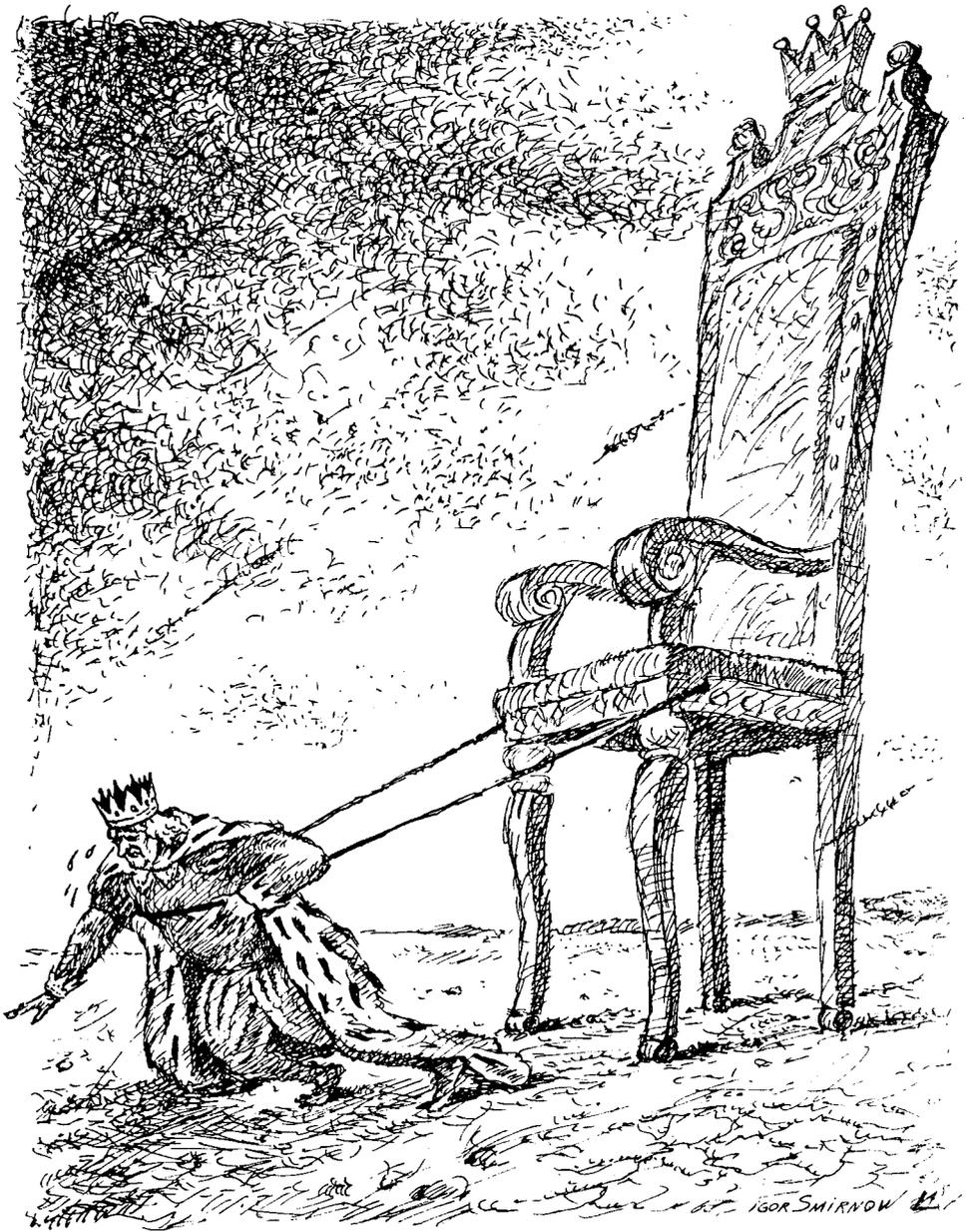
Риск демократизации

ЗЕЛЕНОЕ ЧУДОВИЩЕ!

Вероятность эко-тоталитаризма

ISSN 0320 8001

10/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Документ

ПРИЗЫВ К СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

12

Мы: страна в движении

«СЦЕНАРИЙ ИКС»

14

Досье «Вена»

ДЕМОКРАТИИ ПОРА ПРИГОТОВИТЬСЯ

18

В. ГЛОТОВ. ПОСЛЕДНИЙ ГАРНИЗОН

38

КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ ЖУРНАЛИСТОВ

40

Проблемы и суждения

М. СОКОЛОВ. ЭФФЕКТ ВОРОНКИ

22

Актуальная тема

А. МИХАЙЛОВ. ПРОБЛЕМА РОССИИ

28

ВЛАСТЬ — ЗЕМЛЯМ!

30

Резонанс

Г. ПОМЕРАНЦ. ОТШАТНУТЬСЯ ОТ ЗЛА

33

SOS!

**Г. АКОПЯН, Р. СААКОВ. УНЕСЕННЫЕ
СТРАХОМ**

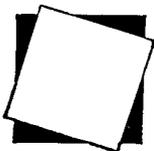
42

Научная публицистика

ОТРАВА НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

45

*На наших обложках — рисунки Игоря
СМИРНОВА (стр. 2) и Бориса КЛИМАНОВА (стр. 3).*

„Уважаемая редакция...“

Портфель «Века» в этом году пополнялся в значительной мере за счет почты. Мы уже настолько свыклись с этим, что, просматривая наши же прежние ремарки к рубрике «Уважаемая редакция...», находим несколько наивным уровень восторга зрелостью читательской мысли. Видимо, это просто «нормальное чудо», надо было только дать ему вырваться на волю...

Воюем?

Объявлена война, и мое обращение к вам, в Комитет защиты мира — естественно. Мне удобнее начать с повторения печальной аксиоматики: преступность — это наше порождение, наша боль, следствие плохо осознаваемой жестокости наших нравов, следствие наших социальных несовершенств. Преступники — это наши дети, наши сестры и братья, наши отцы и матери, наши бывшие друзья и соседи. Так с кем же воевать, и что означает эта война?

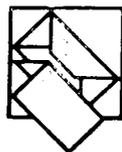
Эфемерное деление на «чистых» и «нечистых» не только несправедливо, но и пагубно для общества, нуждающегося в лечении, а не в войне.

«Война с преступностью». Грустно и тревожно было услышать из уст высших руководителей страны эту лозунговую фразу, допускающую неоднозначное толкование. Вот и режиссер и актер Станислав Говорухин поспешил увидеть паначею в образе высококорослой милиции. Тут же и оправдался: мол, поз-

дно спохватились, времени теперь нет искать другое средство.

Упускает из виду Говорухин — чтобы вырастить такую милицию, «как в Америке», понадобится если и не те же двести лет, то все-таки достаточно длительное время. Наша милиция отнюдь не слабая — просто ориентирована она не на охрану прав личности, ее жизни и здоровья, а на слежку и тотальное подавление. Здесь и качества другие нужны... Жидковато выглядела бы американская полиция со своей электроникой, если взвалить на нее задачу охраны заводских проходных да контроль за пропиской!..

Удивительно, что никто не связывает разгул преступности с негодной школой. А ведь все преступники до единого в ней пребывали и в ней-то расставались с детскими идеалами человеческой жизни так же, как в свое время их несчастные родители. Забывают, что продолжающееся господство принципа авторитарности в школе дает уроки

превосходства человека над человеком, то есть исподволь воспитывает потенциального преступника в каждом. Что же станем воевать каждый с каждым? К тому идем.

Вторым важнейшим и действенным направлением в борьбе с преступностью была бы коренная перестройка в правоохранительных органах. Суть ее в переориентировке этого государственного механизма на защиту прав и достоинства человека.

Ведь мы до сих пор имеем правоохранительные органы, не пресекающие преступность, а множащие ее! Чего стоят многочисленные

формы принудительного труда, вроде «химии», тюрем для малолетних преступников и т. п.

Именно интеллигенция, пресса обязаны открыть огонь со всех общественных трибун в целях формирования нового общественного мнения: смягчение нравов — самое надежное средство против роста преступности.

Вот мои рекомендации. Но я дилетант. Что-то скажут в Комитете защиты мира? Думать придется быстро: цейтнот.

Г. КОЛОКОЛОВ,
г. Тюмень.

Ключевая проблема

Вот уже несколько лет, как я наблюдаю за процессами, происходящими в вашей стране. Мы являемся свидетелями того, что еще недавно каждый считал бы утопией. Тем не менее, сегодня эта утопия становится действительностью...

Перемены, надейся, не обошли и Советский комитет защиты мира. Мысли, которые публикуются на страницах вашего бюллетеня помогают искать решения многих проблем не только в вашей стране, но и за рубежом. Особенно ценным и способствующим развитию общества являются признания роли отдельных лиц и неформальных объединений в формировании здорового социального климата, в сближении государств и в избавлении от старых пережитков и догм.

Я сам отношусь к основателям одной из неформальных групп в Чехословакии, Независимого объединения за мир — Инициативы за демилитаризацию общества (НОМ—ИДО). Эта организация объединяет людей, которые осознают свою ответственность за будущее своего

народа и всего человечества и которых связывает мечта о жизни, действительно достойной человека. Мы понимаем мир, как такое положение вещей, при котором доверие и взаимопонимание между народами должны исходить из уважения к каждому человеку, из свободы и мирной жизни каждого в своем государстве. Только так возможно обеспечить прочный и постоянный мир.

Независимое объединение за мир — Инициативы за демилитаризацию общества объединяет в своих рядах примерно 400 человек, в основном молодых людей. Это число может показаться незначительным, однако в условиях, когда такая форма общественного движения обозначается как «антисоциалистическая», даже это число говорит о многом. Здесь надо добавить, что многие активисты объединения преследуются, несколько человек находятся за решеткой.

Мы сами не можем решить все проблемы. Одной из ключевых проблем будущих отношений наших

народов является объективная оценка процессов, которые происходили в ЧССР в 1968 году и были насильственно прерваны армиями пяти государств, членов Варшавского Договора. Безотлагательность объективного анализа этого исторического периода, а также периода, последовавшего за ним, выступает на первый план именно в настоящее время, когда ряд социалистических стран приступает к проведению в жизнь реформ, весьма похожих на те, к осуществлению которых стремилась Чехословакия в 1968 году.

Я уверен, что Советский комитет защиты мира может существенным образом способствовать тому, чтобы правда восторжествовала, и думаю, что моральный долг всех советских граждан — это ликвидировать «белые пятна» нашей общей истории.

В конце своего письма хочу сделать вам следующее предложение: не пора ли изменить название вашего Комитета защиты мира на Комитет творцов мира?

Ян КУДОМЕЛ,
г. Прага, ЧССР.

Вера и штрафы

Мы, свидетели Бога Иеговы, посвятили нашу жизнь исполнению воли и желаний Творца Вселенной Бога Иеговы. Следуя во всем примеру Иисуса Христа, мы постоянно заняты провозглашением истин Бога Иеговы. Эта работа проповеди не противоречит статьям Конституции СССР о свободе совести, где сказано, что человек имеет право верить Богу и исповедовать свое вероубеждение. Однако мы постоянно подвергаемся притеснению, запрещению и угрозам со стороны представителей власти всех рангов.

Долго до того, что за каждый наш шаг или движение, которые неразрывно связаны со служением и почитанием Бога, мы должны платить большие деньги в виде штрафов. Если Свидетель Иеговы встретился со своим братом по вере в доме — штраф в 50 рублей. Если Свидетели Иеговы соберутся вместе, чтобы поучиться Слову Божию и прославить имя Господне, власти налагают штраф за эту встречу опять же в размере 50 рублей. Если они собрались похоронить умершего брата или сестру и при этом исполняют Божественный пса-

лом или читают слова Святого Писания — снова 50 рублей штрафа. Если Свидетели Иеговы, используя общий выходной день, идут рассказать жаждающим правды людям о Слове Божьем, они должны платить каждый по 50 рублей штрафа — и не только единожды, но всякий раз, когда только они откроют свои уста говорить людям о Слове Божьем.

Мы расцениваем это как покушение на вечные свободы, которые — без каких-либо дарований или гарантий со стороны властей — присущи каждому человеку, рожденному под Солнцем. Эти свободы дарованы Богом каждому человеку — свобода почитания, свобода совести, свобода слова и свобода собраний. Никто из людей или властей не дал и не может дать эти свободы человеку. Право, обязанность и честь всех людей, народов и государств есть свято и ненарушимо охранять эти свободы от любого посяательства или унижения.

Василий ДУДКА,
Общество Свидетелей Иеговы,
Черновицкая область.

Яро ненавижу митинги

В газетах пишут о всевозможных митингах, собраниях всяких там групп. Да и чего только нет в крупных городах. Я считаю, что эти люди, как говорят в народе, «с жиру бесятся». Вы думаете им нужна перестройка? Нет, не нужна. Конечно, отработав восемь часов, да еще имея два выходных, да в отпуск летом едут на курорты отдыхать, устанут ли они от митингов? А вот если бы заставить их работать на полях с темна и до темна летом, спать ежедневно два-три часа, без выходных, без отпусков, да еще ругают, почему городу не дал мяса, молока, яиц, хлеба, чтобы город был в сытости и на митинг не шел с пустым брюхом.

Вы, граждане митингующие, направьте свои силы и выпустите со своих фабрик, заводов вместо митингов холодильники, телевизоры, дешевые сельхозмашины, а не такие, как сейчас. А то кричите, чтобы давали вам хлеб, мясо, молоко подешевле, а сами продаете нам свои изделия подороже. Так чего вы добиваетесь своими митингами? Только создаете хаос. Собрались бы всей толпой, да в деревне хорошую дорогу сделали бы. Вот это был бы митинг! Конечно, легче собраться возле себя многотысячную толпу, молоть всякий вздор, кричать на словах за перестройку, а на деле быть против нее.

Скажите, граждане митингующие,

чем вы помогаете селу, которое вас кормит, поит? Если будем и мы митинговать, поседем только для себя? Вот тогда вы запоете по-другому. Наверное, сразу же вспомните про те спецвойска, которые сейчас вас разгоняют — но чтобы уже нас заставить давать вам хлеб, мясо, масло. Так что правильно они всё делают, и указы правильные, а то ведь потеряли весь стыд и совесть. Демократия не есть вседозволенность.

Извините, что так пишу, пишущая ручка не успевает за мыслью. Хотел бы многое сказать. Да и самим журналистам и писателям тоже нужно придерживаться законов. А то теперь стали смелые, а где же раньше были, почему не митинговали при Хрущеве, Брежневеве? А теперь, видите ли, стали защищать митинги. Я яро ненавижу митинги. Потому что эти люди работать не хотят. Да и съезд превратили в говорильню. Поговорят, поговорят, а делают так, как уже было задумано и записано. Просто дали им поговорить. И правильно сказал один депутат на Съезде, что хватит говорить, пора за работу. Мое письмо, конечно, не напечатают. Но кто-то бывает из вас на митингах, пусть скажет об этом.

Иван СУББОТА,
пос. Раевский
Альпиевского района
Башкирской АССР.

Профессия — политик?

Допустим на минуту, что граждане СССР хотели и были бы готовы покупать профессиональные услуги по улучшению работы органов власти, если сочтут такие услуги полезными. Но в стране нет неправительственных организаций, у которых можно эти услуги купить. За-

то уже есть люди, которые хотят работать в политике профессионально, и им нужна сфера оплачиваемой профессиональной политической работы.

В этой ситуации возникает естественная идея: создать новый — вне рамок политических партий и Сове-

тов — социальный институт профессиональной политической работы, основанный на финансировании этой работы не партиями и не из госбюджета, а на покупке и добровольной оплате ее гражданами и предприятиями как разновидности сферы услуг.

Такой социальный институт можно создать посредством образования рабочих мест для профессиональной политической работы не в аппарате партий, и не в Советах, а в небольших, территориальных, коммерческих центрах.

Объектом заботы и мысли таких местных политиков будет текущая деятельность городского и районного Советов народных депутатов, служб здравоохранения, образования, охраны общественного порядка и других, а также выработка и доведение до сведения общественности своих рекомендаций. Участие в политической жизни профессионалов, выступающих от своего собственного имени, а не от имени каких-либо партий, и живущих за счет работы, которую население выбирает и оплачивает так же, как картошку, газеты или билеты в кино, полезно тем, что материальные интересы этих политиков, их профессиональный рост и рост социального статуса их профессии требуют от них борьбы за эффективность деятельности власти, а не борьбы за власть как таковую. Положение же аппаратчика, существующего на средства общественной

организации, принуждает бороться за власть и внутри организации, и для организации. Принципиально важно, что работа таких политиков совместима и с однопартийной моделью и вместе с тем открывает новые и очень серьезные возможности развития политического плюрализма.

Народные фронты, клубы избирателей и пр. могут поддерживать на выборах в местные Советы и сотрудничать с теми из «профессионалов», чья работа им интересна.

Работа таких центров даст обществу слой общественных деятелей, отлично подготовленных к выполнению депутатских обязанностей и к борьбе за депутатские мандаты в конкретных избирательных округах: поскольку в лабораториях смогут зарабатывать себе на жизнь только те «неформалы», которые досконально изучат проблемы и ресурсы «опекаемой» территории, ее органов власти, и, главное, сумеют внести реальный вклад в решение проблем избирателей своего округа.

Конечно, политикам — не аппаратчикам, так же как представителям любых профессий, нужно дать возможность учиться; эту возможность мог бы обеспечить задуманный нами Московский народный центр политической культуры.

Юрий САМОДУРОВ,
г. Москва,

Как это делается

Проект закона о пенсиях готов к опубликованию. Миллионы инвалидов терпеливо и с надеждой ждут, когда последний ответственный чиновник поставит последнюю точку в этом документе. Но немногие знают, что в тени большого закона без лишнего шума разработана и инструкция о новом порядке определения инвалидности. Эта инструкция служит наглядным под-

тверждением того, что в нашем государстве все самое интересное заключено отнюдь не в законах.

Инструкцию предваряет преамбула, согласно которой инвалидность является **«интегрированным показателем общественного здоровья, отражающим достижения общества в социально-экономическом, научном и культурном плане».**

Читатель, вы поняли, что речь здесь — о культях, параличе, искривленных полиомиелитом костях?... «Интегрированный показатель» людского горя — всего лишь юридическое основание выплаты мизерной по нынешним временам материальной компенсации утерянного здоровья. Чиновнику, обеспокоенному судьбой «показателя», незачем снисходить к судьбе конкретного больного.

Ответственный работник возмущен тем, что **«шестидесятые-семидесятые годы характеризовались неуклонной тенденцией к увеличению числа инвалидов, последующие годы — утяжелением инвалидности и омоложением контингента инвалидов; с середины 80-х годов число впервые признанных инвалидами стало превышать естественный прирост трудовых ресурсов»**. О чем это? Вам кажется, речь идет про Афганистан, про нашу экологию, про наши условия труда, наше здравоохранение, наши продукты?... Ничего подобного. Оказывается, причина всех бед — старая инструкция об определении инвалидности — она слишком многим больным позволила стать инвалидами! Как не вспомнить Маркса: «Чиновник, в случае явного для всех бедствия, большую часть вины возлагает на частных лиц, которые будто бы сами являются причиной своих невзгод».

Инвалид наивно полагает, что главной целью инструкции по определению инвалидности должно быть точное определение характера и объема той помощи, в которой он нуждается. Он ошибается. На самом деле инструкция должна **«создать гарантии для предупреждения инвалидности»**, или в переводе на простой человеческий язык обеспечить уменьшение числа инвалидов! Вся новая инструкция по определению инвалидности проникнута пафосом «профилактики» этого неприятного и постыдного для общества в «социально-экономическом, научном и культурном плане» явления. Это фантастическая задача, вопреки всему, что до сих пор известно медицине о профилактике, должна предупреждать не возможную в будущем, а имеющуюся в настоящем болезнь. Реально

это означает введение такого устрашающего порядка определения инвалидности, который вынудил бы здоровых людей избегать травм, лишь бы не подпасть под действие новой инструкции.

По старой инструкции утеря трудоспособности была важнейшим основанием определения инвалидности. Под «утерей трудоспособности» понималась невозможность продолжения прежней профессиональной деятельности в обычных, нормальных условиях. При этом считалось само собой разумеющимся, что человеку при желании должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на труд, в каком бы тяжком положении он не находился. Государство создавало и поддерживало предприятия, на которых работодателю специально созданным условиям инвалиды могут выполнять отдельные виды работ. Но материально компенсировалась именно утеря возможности полноценно трудиться на общих основаниях. Новая инструкция не видит разницы между полноценным нормальным трудом и вынужденным трудом в специально созданных условиях. Полностью утратившими трудоспособность признаются лица, «для которых невозможна или противопоказана любая трудовая деятельность». Частично утратившими трудоспособность считаются лица, которые «сохраняют возможность профессиональной деятельности в обычных или специально созданных условиях».

Если раньше точкой отсчета был «полноценный труд», то теперь ею стал труд вообще, безотносительно к его характеру. Для инструкции и ее исполнителя безразлично, кем ты был до инвалидности и кем мог бы стать, если б остался здоров. Для него важно, что у тебя осталась возможность выполнять в спеццехе **«элементарные неквалифицированные виды труда»**. И правда — что им еще нужно, этим бездельникам?!

Уменьшит ли такое новшество количество инвалидов на деле? Разумеется, нет. Больные люди не превратятся от этого в здоровых. Зато резко улучшится «интегрированный показатель»

инвалидности. Полностью слепой человек, выполняющий рутинную работу на спецпредприятии и получивший бы по старой инструкции пенсию в размере пятидесяти пяти процентов от прежнего заработка, перестает быть инвалидом первой группы и станет получать лишь три четверти прежней суммы. С точки зрения инструкции, он прозрел на один глаз. Как не поверить в способность чиновника творить чудеса? Не произведя ни одной медицинской операции, анонимный «хирург» при помощи одной лишь инструкции переводит сотни тысяч больных из одной категории инвалидности в другую, экономя при этом миллионы рублей из государственного бюджета! Резкое ухудшение материального положения миллионов инвалидов на фоне растущей инфляции, дороговизны и всеобщего дефицита, было бы единственным реальным следствием этой операции, готовящейся в недрах аппарата самого «гуманного» нашего министерства.

В тяжелейшем положении окажутся именно те, кто не захотел смириться с болезнью и выполнять предписанные свыше «элементарные неквалифицированные виды труда». Эти инвалиды хотят жить полноценной жизнью и быть членами общества, а не его пасынками. Мизерная пенсия помогает им получить образование, выкроить деньги на оплату услуг секретаря, теще, приобresti те самые приспособления, без которых они не могут работать. Она помогала выживать семье, в которой, как правило, мать, жена или сестра не работают, добровольно помогая на трудном пути. Благодаря но-

вой инструкции, перспективы преодолеть этот путь станут призрачными. Да и к чему все это? Объект инструкции не полноценная личность, а некто, кого достаточно «интегрировать в общество», загрузив — все равно какой — работой. Потеря возможности трудиться свободно и творчески не рассматривается как нечто такое, что необходимо компенсировать. «Инвалид должен трудиться» — вот точка зрения, которая выражена в проекте новой инструкции.

Новая инструкция — дитя правовой системы, в которой закон и инструкции равны по силе. На первый взгляд может показаться, что корень зла — в извращении инструкциями смысла законов. Но, как видим на этом примере, закон и инструкция разрабатываются чиновниками одновременно и взаимно дополняют друг друга. Их можно различить лишь как два разных орудия, при помощи которых он управляет обществом. В то время, как левой рукой под давлением обстоятельств чиновник вынужден издать гуманный закон, правой рукой он уравнивает его подлой инструкцией. Чиновник прекрасно знает, как трудно «опрокинуть» подготовленный проект решения и умело пользуется этим. В его распоряжении средства структуры и информация. К его услугам тысячи оплачиваемых слуг — «карманных ученых», способных обосновать все, что угодно. Есть ли что-либо подобное в руках народных депутатов?

Владимир ПАСТУХОВ,
кандидат юридических наук,
г. Москва.

„Профессионалы“

Девять лет жизни я провел в лагерях — два срока. Один — 3 года по ст. 187 УК УССР (190¹ УК РСФСР), второй — 6 лет по ст. 62 УК УССР (70 — РСФСР). Оба раза — с позиции здравого смысла, а также, к счастью, с позиций сегодняшнего

дня, — обвинения нелепые, смешотворные. Первый раз (1969 г.) за то, что подписал в числе других три письма: одно в Комиссию по правам человека при ООН, второе в редакцию газеты «Известия» в связи с арестом генерала Григо-

ренко П. Г., третье в президиум Совещания коммунистических и рабочих партий в связи с возможной политической реабилитацией Сталина (приближалось 90-летие). Кроме того, по делу «проходили»: письмо А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе», письмо Ф. Ф. Раскольникова Сталину, стенограмма доклада А. Аганбегяна в обществе «Знание» (1967 г.).

Все эти документы были признаны клеветническими, и я отправился на лесозаготовки в Краслаг. Через восемь лет после освобождения — новое следствие, новый суд. На этот раз по обвинению: хранение и распространение «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына, недовольство в связи с вручением ордена Победы «одному из членов Политбюро» (так в деле) и т. п. Итог — 7 лет лагерей и 5 ссылки.

Два года назад, через 6 лет и два месяца после ареста я был помилован, хотя никогда вины своей не признавал и о помиловании не просил, единственное, что я сделал, — это написал заявление, где настаивал на прекращении исполнения противоправного приговора, который стал анахронизмом в глазах тех, кто поверил в перестройку.

Будущее страны тесно связано с ее нынешней пенитенциарной системой. Обществу далеко не безразлично, в каких условиях содержатся его преступники, кто и как их перевоспитывает.

К сожалению, до сих пор официальные данные о количестве заключенных и, соответственно, о количестве «обслуживающего» персонала — за семью печатями.

Однажды в Чистопольской тюрьме в руки попала газета, в которой были опубликованы итоги выборов в Верховный Совет СССР, состоявшихся 4 марта 1984 года. В списке избирателей было внесено 184 миллиона человек (округляю для простоты рассуждений). В эти списки попадают все, кто прописан и достиг 18 лет. Возникает вопрос, а сколько на самом деле в стране

жителей от 18 и старше? Если от общего числа жителей отнять прирост населения за восемнадцать лет, получим ответ на этот вопрос. В тот год в стране проживало 275 миллионов человек, а прирост за 18 лет составил примерно 70 миллионов, следовательно, старше 18 у нас было 205 миллионов. Разница между этой цифрой и данными выборов примерно 20 миллионов. Кто же эти люди? Точного ответа нет. Определенно можно сказать, что это те, кто не имеет паспортов, кто признан психически больным и недееспособным, кто «бичует» по стране — и все те, кто арестован, кто находится «за судом», кто населяет лагеря, тюрьмы и психушки. Думаю, что лишённые свободы составляют немалую долю этих миллионов.

Собственные наблюдения за девять лет, беседы на этапах, в тюрьмах и лагерях позволяют предположить, что на 10 зеков приходится один сотрудник ГУИТУ — Главного управления исправительно-трудовых учреждений, то есть по самым скромным подсчетам, 1 000 000 человек! Это надзиратели всех рангов, офицеры, сверхсрочники, мастера, медработники, бухгалтеры, охрана и т. д. Солидный у нас получился контингент.

Кто же этот миллион?

Кто они, идущие в надзиратели? Кто они, находящие удовольствие в обыске?

Кто они, носящие дубинки на поясе, а наручники в карманах?

Кто эти женщины, которые обязаны заглядывать в дверной глазок мужской камеры?

Кто эти мужчины, по служебной обязанности смотрящие, как оправляются женщины?

И служат эти люди не один год и не два.

В январе 1970 года мне пришлось несколько дней провести в камере харьковского следственного изолятора в обществе отставного надзирателя, который прослужил более тридцати лет. Начинал в «добрые»

сталинские времена, а после войны все время продежурил в этой самой тюрьме. Вышел на заслуженную пенсию, но однажды напился, избил соседа и угодил в кутузку. Я никогда не забуду этого человека. Строго говоря, он давно потерял дар речи и мог объясняться только на «фене», остальное восполняя бессмысленной матерщиной. Он не ходил в кино, никогда не читал книг. После дежурства играл в домино и пил водку с себе подобными. И так изо дня в день, из года в год — три десятилетия добровольного тюремного заключения — ради безграничной власти над совершенно беззащитными заключенными. Такая власть развращает людей мгновенно — уже через несколько месяцев после призыва многие солдаты-конвоиры утрачивают человеческий облик.

Власть надзирателей усилена их бесконтрольностью и полной безнаказанностью. Исправительно-трудовые учреждения до сих пор не знают, по существу, ни народного, ни партийного, ни даже действительного прокурорского надзора, потому что «преступник виноват изначально».

Однажды я обратился к прокурору Шайфутдинову (Чистополь, 1984 год) с вопросом, почему рацион немцев, плененных под Сталинградом, был существенно лучше, чем у нас в тюрьме. Он ответил: «Значит, вы причинили больше вреда нашей стране, чем фашисты». Подумав, смягчил: «Чем рядовые фашисты».

Когда я, уличив цензора Мунина (чистопольская тюрьма, 1985 год) во лжи, спросил, когда же он будет говорить правду, он ответил: «Генрих Ованесович, это же тюрьма, правду будем говорить на воле».

Во всех тюрьмах, во всех зонах существуют так называемые «пресс-хаты» или «пресс-камеры». Там, как правило, сидят гомосексуали-

сты, провалившиеся агенты и стукачи, которых выпускают в зону опасно для их жизни. И вот в такие «пресс-хаты» бросают тех, кто живет, пытаясь сохранить человеческое достоинство. Кончается это обычно трагически. Естественно, что никакими законами, никакими подзаконными актами такой вид наказания не предусмотрен.

Однако всякий понимает, что пока есть преступники, будут тюрьмы, будут надзиратели. Где же выход?

Прежде всего — широкая гласность не только в правосудии, но и во всем, что касается исполнения приговоров. Зоны, в которых годами живут миллионы наших сограждан, должны быть свободны от беззакония, но не от критики. Пришла пора немедленно опубликовать статистические данные о количестве заключенных с подробной классификацией по полу, возрасту, регионам, видам преступлений. Мы должны точно знать, сколько в стране лагерей, сколько в каждом из них заключенных, сколько квадратных (кубических) метров приходится на каждого человека, словом, все, что из года в год публикуется во всем цивилизованном мире.

Далее, на мой взгляд, срок пребывания в должности надзирателя не должен превышать двух лет после специальной подготовки. За любое нарушение закона со стороны надзирателя необходимо отстранять его от работы. Женщины могут надзирать только за женщинами. Надзиратель это, по существу, вредная, смертельно опасная работа для человека.

Поднимая голос в защиту надзирателя, я защищаю заключенных. Нынешняя пенитенциарная система не перевоспитывает преступников, а наоборот, укрепляет и развивает в них все дурное.

Генрих АЛТУНЯН,
г. Харьков.

Без оговорок

Одобрение смертной казни остается одним из тяжелейших заблуждений общественного сознания. Это заблуждение навязывается гражданам нашей страны на протяжении десятилетий как якобы необходимая и действенная мера борьбы с преступностью. Ре-прессии выдаются за главный инструмент решения социальных и политических проблем.

Жизнь развенчивает этот миф. Общественное сознание обретает зрение. Меняется отношение людей к смертной казни.

Каждый из нас вправе себя спросить: почему лично мне хочется, чтобы преступнику суд присудил самую страшную, какая только есть на свете, меру наказания? В минуту ослепления от праведного гнева нам кажется, что мы готовы собственными руками воздать негодяю по заслугам! Это так понятно и объяснимо. В нас срабатывает естественное человеческое возмущение. И все-таки мы должны понимать, что одновременно в нас с самой глубины подсознания поднимается первобытно-генетическое жестокое желание мести.

Но нельзя давать волю низменным чувствам, если хочешь остаться человеком.

Позорно для человека желать смерти другому человеку. Здесь не может быть оговорок. Эта истина абсолютна.

Мы, члены Общественной комиссии «За отмену смертной казни» Венского комитета общественного контроля за соблюдением Итогового документа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (15.01.89, г. Вена), обращаемся к вам, народные депутаты! Есть целый ряд весомых аргументов в пользу отмены смертной казни и замены ее пожизненным или долгосрочным заключением. Мы готовы представить эти аргументы.

Призываем трудовые коллективы, общественные организации, всех граждан присоединиться к нашему обращению.

Общественная комиссия «За отмену смертной казни» Венского комитета

(г. Ленинград).

Телефоны: 295-32-93, 524-22-85

Андрей ЦЕХАНОВИЧ — журналист,
старший редактор отдела
публицистики журнала «Аврора».
Владимир МИРОНОВ — кандидат
юридических наук,
подполковник юстиции,
заместитель председателя
военного трибунала
Ленинградского гарнизона.
Ольга ЕСИНА — библиотечкарь.
Юрий ИЛЬИН — юрист,
председатель Ленинградского
союза юридических кооперативов.

Призыв к соотечественникам

В телеграфное агентство Белорусской ССР (БЕЛТА) поступило обращение Белорусского комитета защиты мира, Белорусского отделения Советского фонда мира, белорусского общества «Радзіма», Белорусского фонда милосердия и здоровья, Общества Красного Креста БССР, Белорусской епархии Русской православной церкви к соотечественникам во всех странах мира. В документе говорится:

Белорусы и русские, украинцы и евреи, поляки и литовцы, люди других национальностей, родившиеся и жившие в Белоруссии! Все, кто, покинув Белоруссию, сохранил о ней и ее народе добрую память! К вам обращаемся мы.

История не раз подвергала народ Белоруссии тяжелым испытаниям. Только вторая мировая война лишила жизни каждого четвертого жителя республики, стерла с лица земли более половины национального богатства, созданного руками наших земляков за многие десятилетия. Эти жертвы — горькая плата за жизнь и свободу не только белорусского, но и других народов, всего человечества. И вот в мирное время на нашу землю неожиданно обрушилась новая беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции.

Особенно тяжелые испытания выпали на долю жителей Гомельской и Могилевской областей. Десятки населенных пунктов перестали существовать: их жители эвакуированы в другие районы республики, в чистые от радиации места. Такая же судьба ждет в ближайшее время тысячи жителей других поселков и деревень. Беда, несмотря на предпринимаемые усилия, пока не отступает.

Особую боль и тревогу в наших сердцах вызывает опасность для здо-

ровья людей, в первую очередь детей. Поэтому мы вынуждены обратиться к вам за помощью.

Нас могут спросить: почему же вы до сих пор молчали? Почему не взывали о помощи? Отвечаем: главным образом потому, что никто, даже крупные специалисты, не смогли сразу определить ни масштабов, ни последствий трагедии. Она оказалась намного серьезнее, чем можно было предположить.

Правительство и общественные организации Белоруссии и страны делают немало для ликвидации последствий чернобыльской аварии и восстановления здоровья пострадавших от радиации людей. На эти цели уже истрачено более 1 миллиарда рублей. Но, несмотря на это, мы остро ощущаем нехватку некоторых радиационных измерительных приборов и медицинского диагностического оборудования.

Нам очень нужны: дозиметры индивидуального и группового пользования, аппаратура ультразвуковой диагностики (многофункциональная), эндоскопическая аппаратура для исследования органов грудной клетки и органов пищеварения, счетчики излучения человека, гематологические автоматы лабораторные (фирмы «Секвойя», США).

Озабоченные будущим здоровьем пострадавших от радиации людей, мы обращаемся к вам, наши соотечественники за рубежом, за помощью. Мы с благодарностью воспримем отклик не только от выходцев из Белоруссии, но и от других добрых людей, благотворительных групп или организаций.

Белорусский комитет защиты мира, Белорусское отделение Советского фонда мира, белорусское общество «Радзіма», Белорусский фонд милосердия и здоровья, Общество Красного Креста БССР, Белорусская епархия Русской православной церкви берут на себя обязанность аккуратно собирать все, что поступит в Белоруссию на упомянутые цели, обоснованно распределять нуждающимся и строго контролировать целевое использование. Для этого мы rassemblаем необходимым количеством самоотверженных активистов.

Мы верим в способность людей делать добро, несмотря на различия в политических взглядах и религиозных убеждениях, и надеемся, что эта наша вера будет подкреплена практическими

делами всех тех, у кого о Белоруссии и ее народе сохранилась добрая память.

Можете быть уверены, наши зарубежные соотечественники, что ваши добрые деяния и бескорыстие не забудутся благодарным белорусским народом.

Для почтовых отправок сообщаем наш адрес:

Белорусский комитет защиты мира, Белоруссия, 220029, Минск, Сторожевская, 5.

Обращение подписали:

председатель президиума Белорусского комитета защиты мира **И. Шамякин**, председатель правления Белорусского отделения Советского фонда мира **З. Азгур**, председатель президиума белорусского общества «Радзіма» **М. Савицкий**, председатель правления Белорусского фонда милосердия и здоровья **Н. Савченко**, председатель Центрального комитета Общества Красного Креста БССР **В. Семуха**, митрополит Минский и Белорусский Филарет.

ПОЧТА

Вся власть — лучшим?

Наше общество больно изнутри и нуждается в утверждении общечеловеческих принципов гуманности и нравственности. Ни политическая система (демократия), ни гласность сами по себе этих вопросов не решают. Об этом достаточно полно говорят публикуемые материалы по злоупотреблению механизмами демократии и гласности. Но обратимся к древним. Платон говорил о пяти видах государственной власти, в их числе тирания, демократия и аристократия, как «власть лучших». Демократизация нашего общества началась по воле

и инициативе руководителя страны, пришедшего к власти и руководству отнюдь не самым демократическим путем. Мне близка мысль, что **лучшая** форма власти — аристократия, как власть **лучших**. Именно лучшие способны нести обществу идеи гуманизма и нравственности. Но путь к ней — только через демократию и гласность, так как лучших надо вырастить.

А. ЛАПИС,
г. Михайловск Свердловской области.

„Сценарий Икс“

Разговор с известным экономистом, пожелавшим остаться неизвестным

Корр. В последние месяцы, как говорится, «гласность взяла новый рубеж», которому на сей раз никто не рад: пресса заполняется материалами о «сильной руке», «твердой власти», «пользе автократии». Журналы печатают лихо написанные антиутопии из ближайшего будущего с гражданскими войнами, голодом, разоренной страной. А вы что скажете, чем нас порадуете, товарищ Икс?

Кстати, для чего вы скрыли свое имя от наших читателей? Сегодня, когда пресса публикует даже убежденных монархистов, вам нечего бояться. Да и ваше имя, хорошо известное в стране, — вам защита...

Икс. Я не хочу иметь реноме автора одной-единственной идеи (о которой наш разговор), у меня их много.

Но вернемся к теме. Ни военная диктатура в обычном смысле слова, ни гражданская война с «национальной» окраской под занавес перестройки не устраивают никого из действующих лиц нашей сцены. Правда, кое-кому диктатура кажется блестящим выходом из путаницы (которую они же создали). Однако диктатора нет и ему пока не откуда взяться. Да и армия, в ее современном состоянии, сами знаете, не способна осуществлять реальные функции, разве что — так, пострелять...

В государстве реально сейчас безвластие — власть пытаются раздать кусочками, причем такими, которыми сыт не будешь. И когда полувивший кусочек начинает, как кооператоры, претендовать на большее, его съедает. Формально управление идет по тем параметрам, которыми, как кажется руководству,

и следует управлять. Но это иллюзия: управляемые параметры лишь декоративные и нестойкие придатки системы.

Реальное управление, под которым я понимаю постановку достижимых целей и шаги по достижению оных, — область совершенно непознанная и незнакомая для управляющих. Цели ложные, а средства для достижения ложных целей — например, репрессивные органы и правила репрессирования — деформированы долгим миром, страхом потерять кредиты, гласностью и демократизацией.

Реальные цели, даже если их можно сформулировать, тоже не достижимы, потому как чтобы их достигнуть, надо делать реальные же шаги, вроде честной и полной свободы предпринимательства, гарантируя западные капиталовложения. Но эти-то шаги вызывают автоматическую реакцию всего аппарата государства — уничтожить все, что движется, что отлично от государства.

Корр. Вы парадоксалист: власти нет — и власть готовится к контрудару. Тут можно выдвинуть тучи возражений, но я предпочту одно: требование свободы, звучащее повсеместно. Люди требуют не только правды, честных цен, чистого воздуха и свежего хлеба — они хотят свободы.

Икс. А в чем тут противоречие? Власть, которая сегодня есть — и которой мы сыты, — заключается в том, чтобы путем труднейшей аппаратной борьбы и манипуляций добиться решения — и тут же о нем забыть! Исполнительный механизм любые цели приспособливает к нуждам самосохранения. Собственно же власти решать нет ни у

ди должны, по идее производства, заниматься в свободное от работы время. Теперь даже директора предприятия нельзя привлечь к ответственности за решение, одобренное советом трудового коллектива! Государственное производство превращается в балаган. По идее, производство при этом должно смещаться на внерабочее время — в подсобное хозяйство, в кооперативы и прочее. Но ведь и здесь запреты! А итог?

Отрасли и комбинаты превращаются в политические партии, зато обыденная жизнь человека превращается в выматывающее производство всего необходимого для семьи.

Поглядите — подавляющее количество решений принимается коллегиально: от имени Политбюро, ЦК, Совмина, коллегий министерств, ведомств, исполкомов, бюро, парткомитетов. Бюро принимает решение и назначает персонально ответственного за его исполнение. Персонально ответственный возглавляет коллегиальный орган, который также принимает решение и назначает персонально ответственного. В самом низу находится непосредственный исполнитель, который сделать ничего не может, — и того не хватает, и этого. Он-то и пойдет под суд. Именно поэтому следственные и судебные органы в поисках виновных вынуждены репрессировать стрелочников. Нельзя же посадить всю коллегия Министерства путей сообщения. Хотя кое-кому именно это представляется оптимальным решением: пересажать бы всех чиновников, и дело пойдет на лад...

В эпоху перестройки ничего, в принципе, не меняется, по сравнению с застоем, скорее управляемость ухудшается в связи с появлением новых коллегиальных органов, таких как советы директоров предприятий или советы трудовых коллективов, а также безответственных коллегий высшего уровня...

Корр. Говорят, с этим надо мириться свободы ради: «демократия есть конфликт», и пора учиться жить как все народы — от кризиса до кризиса...

Икс. Это — не о нас. Вернитесь

к реальности, оглянитесь: система порождает кризисы, прежде не слышанные.

Дело в том, что государство, узурпировав все общественные отношения, в то же время оказалось неспособно обеспечить те самые потребности, которые оно, вследствие факта узурпации, обязалось удовлетворять. Национализировав сельское хозяйство, оно не может накормить свое население. Национализировав медицинское обслуживание, оно не может обеспечить трудоспособность и минимальный уровень здоровья людей. Административно перекроив карту земель страны, оно отступает перед конфликтами им же созданных «республик». Государство обучает людей, но обученные люди не могут производить то, чему их обучали. Как показывает опыт, не удовлетворяется ни одна собственно человеческая потребность!

Между тем, существует и весьма большая вероятность перерастания кризиса в катастрофу. Катастрофа, как говорят специалисты, — это синхронизация кризисов. Их цепочка — подобно тем, которые намечались уже этим летом.

Корр. Вы начисто исключаете некатастрофические варианты общенационального развития СССР?

Икс. Отчего же... Но при хотя бы ничтожной вероятности катастрофического сценария — именно к нему необходимо готовиться всеми силами! (Мы уже не верим в реальность ядерной войны — но неустанно совершенствуем системы ее предотвращения). Допустим, мы избежим катастрофы, и обойдемся «одними» кризисами разной степени тяжести. Но и в этом случае надо иметь структуры, которые бы что-то производили. Мы можем избежать всеобщей катастрофы — но региональных-то мы не избежим! И почему в будущем времени — а Арал? А оставшаяся уже без питьевой воды Одесса? А несчастная Армения?.. Балансируя на грани, нельзя рисковать людьми.

Мы же — социалистические монополисты. Бастует Степанакерт —

по всему Союзу нет запчастей в водонепроницаемой аппаратуре, нет шахтерских лампочек, встают бани в Сибири. Погиб от землетрясения Спитак — нет грузовых лифтов. Стал завод в Стерлитамаке по производству каустической соды — все, иссяк стиральный порошок в Москве!

Корр. Но ведь проблемы, о которых мы говорим, ставятся не только вами. Политическое возбуждение прошедшего лета, включая волну забастовок, как раз и является признаком того, что люди перестают пассивно принимать роли в катастрофическом сценарии, берут судьбу в свои руки. Не в этом ли надежда на выход?

Икс. Нет ничего справедливее забастовок — но задумайтесь над логикой событий. Требования технологии, как правило, исключают политическую деятельность в рабочее время — а за пределами производства для большинства населения ей нет места. Забастовки по факту проведения угрожают иерархии правления, и функционеры государства, особенно республиканского и областного уровней, самоорганизуются, пытаются противостоять как перевыборам снизу, так и инновационным действиям руководства государства и партии. В частности, возможны попытки разжигания национальной розни и территориальных конфликтов, расширения системы карточного снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости.

Демократизация управления производством, выборность руководителей, затем — выборы в высшие органы государственной власти, привели, как представляется, к еще большему нарушению самой сути производства, фактически, к полному распаду технологий. В организации и на предприятиях, не жестко связанных с технологическими циклами, — таких как исследовательские институты, например, — рост политической активности вообще вызвал переход от производственных отношений к политическим.

Предстоящие выборы в местные и республиканские советы, если не уда-

тся найти внепроизводственной формы проявления политической активности, приведут, скорее всего, к окончательной стагнации производительного труда. Страна просто перестает работать — вы осознаете, что это значит? Это, кстати, вполне может послужить поводом для чрезвычайных мер, которых все так боятся — и которые полностью обесценят результаты политической предвыборной борьбы.

Корр. Политизация производства и забастовки — плохо, государство — плохо, аппаратные интриги — тоже плохо... Как быть? Я не вижу просвета в вашей картине.

Икс. Мне кажется, еще возможен и некатастрофический переход от существующих иерархий управления к живому и человечески приемлемому, хотя и суровому, бедному существованию. Идея моя проста — необходимо **разделить власть и свободу, производство и демократию.** Для этого необходимо ликвидировать все коллегиальные органы управления, существующие ныне на производстве, локализовать и ограничить функции власти, сделав ее конкретной, сильной и полномочной.

У политической системы, у государства не должно быть никаких производственных функций.

У предприятия не должно быть функций политических. Занятие предприятия одно — производство потребного на рынке. Никаких государственных гарантий его существования быть не должно. Все, что нерентабельно производить самим, придется закупать, либо получать в порядке помощи. Производство должно иметь право полностью получить возмещение за ущерб, нанесенный ему работником или управленцем, в то время как рабочие и прочие должны иметь право на защиту своих интересов. Штрафы и все другие наказания должны обжаловаться по суду или через профсоюзы, или через запросы депутатов советов. И эти права пусть реализуются вне производства — в политических органах управления либо судебным путем.

Пусть будет прямая иерархия

подчиненности от министра или начальника объединения до рабочего — в административной подсистеме. А между собой все иерархии пусть будут связаны только денежными отношениями, продал труд — купил товар. А нечего продавать, то и гуляй себе с миром.

Это, естественно, приведет к росту количества всяких конфликтов, причем хорошо организованных, к бунтам и забастовкам. Поэтому понадобится сильная власть в полицейском смысле.

Корр. Как хотите, а военные на страже технологического порядка представляются мне чем-то вроде андроповских налетов 1983 года — на бани и кинотеатры в рабочее время...

Икс. Естественно, что милитаризация производства лишь первый шаг: наведение элементарного технологического порядка. Последующие шаги — переход на рыночные принципы, создание бирж рабочей силы, рынка капиталов и т. д. Однако мне

кажется, что без взбучки никакие рыночные новации не пройдут. Нам всем необходимо опомниться.

Я думаю, последовательность действий должна быть примерно такой: роспуск всех коллегальных органов управления и объявление военного положения в промышленности, вернее на производстве. Отмена трудового законодательства, пенсионного и прочего права, передача всех непроизводственных фондов предприятий в ведение и собственность территорий, либо продажа их частным лицам и фирмам. Отмена режима прописки и военного учета, предоставление населению права свободного обмена и продажи жилья по рыночным ценам. Замена милиции воинскими подразделениями, либо передача КГБ функций милиции — с тем, чтобы реальные функции КГБ исполняла военная разведка и контрразведка. Ликвидация всех отраслевых систем распределения товаров и медсанчастей, ведомственного жилья, закрытых распределенных

Демократии пора приготовиться

Сегодняшнее положение в стране вызывает тревогу у всех, кому дороги надежды на демократические перемены в нашей жизни.

Повсеместные забастовки шахтеров, кровавые столкновения в Грузии, Узбекистане, Казахстане, непрекращающаяся конфронтация в Нагорном Карабахе, забастовки и обострение противоречий в Прибалтике, широко выраженное недовольство на Украине и в Молдавии, в других регионах страны — дают четкое представление о реальности нынешней угрозы стабильности государства и общества. Прибавим сюда глубокий экономический кризис, нехватку некоторых основных продуктов питания, катастрофические темпы инфляции — и мы увидим, сколь взрывоопасна общественная и политическая ситуация в стране. Кажется, опасность взрыва видят сегодня

все — от главы государства до участников многотысячных митингов и демонстраций. Об этой опасности говорят с трибуны Верховного Совета СССР. Теперь уже и средства массовой информации начали вводить в свой обиходный словарь такие понятия как «чрезвычайное положение» и даже — «гражданская война»...

Опасность реальна. И если, слава Богу, о гражданской войне говорить пока нет прямых оснований, то чрезвычайное положение — без четкой регламентации, без определенных точно целей, сроков и пределов — повседневная реальность Нагорного Карабаха, Абхазии, Ферганы, ряда городов и населенных пунктов страны... Понятно, что только дальнейшее и скорейшее развитие демократического общественного механизма может вывести страну из состояния всеобщей

телей. Переход на карточную систему распределения. Уже одни эти меры, проведенные разом, полностью дезорганизуют теневые структуры.

Предоставление населению права заниматься любой предпринимательской деятельностью. Отмена закона о государственной границе и объявление свободы предпринимательства для отечественных и иностранных бизнесменов, при всех должных гарантиях иностранных капиталовложений.

Корр. Но кто все это станет делать? Вы же и говорили, что практически все производственные и политические структуры неработоспособны, включая армию. Акция, о которой вы говорите, дезорганизует страну в конце — не говоря уж о политических и международных ее последствиях...

Икс. Существует огромная отрасль, сравнительно мало затронутая дезорганизацией. Это военная промышленность, где не утеряны производственные навыки — точней,

работники не сплошь политизированы. И есть связанные с этим отрядами военные, причем самые образованные и толковые.

Хаос на военных предприятиях начался с перестройкой, с кадровыми перетрясками, с конверсией, пути которой в нашей системе совсем не продуманы. Но люди-то живы и работают. Люди, которые знают, что такое производственная дисциплина и технология, что такое работа на заказчика, не принимающего во внимание никаких нюансов — только качество, а затем — и количество! Этих людей много, и если им сейчас отдать власть на производстве, при условии, что не будет политического контроля за их деятельностью, а все социальные гарантии не имеют силы, то они, наверное, смогут что-то сделать: профилировать рабочую силу, отладить технологии, избавиться от лишних управленческих звеньев, обучить и переобучить рабочих... Да наконец, просто закрыть огромное количество

ДОСЬЕ «ВЕНА»

го кризиса. Но сегодня никто не даст гарантий, что обострение кризиса не случится еще до того, как демократический механизм будет создан и работает в полную силу. Между тем, обострение кризиса может повлечь за собой страшную (особенно страшную в наш ядерный век) угрозу общественного хаоса. А такая угроза, в свою очередь, может породить соблазн установить власть «сильной руки», диктатуру военного типа.

Установление военной диктатуры отдалило бы на годы, если не на десятилетия, демократические перемены у нас в стране.

Однако даже при обострении кризиса, даже при необходимости объявить чрезвычайное положение в стране (возникнуть объективно) остановка демократического процесса вовсе не обязательна. К опасности обострения кризиса надо готовиться сознательно. Для действий правительства в условиях чрезвычайного положения необходимо заранее подготовить демократи-

ческие правовые нормы, которые позволили бы при любом развитии событий в стране сохранить демократическое направление преобразований и определяющую роль уже созданных не (а такая необходимость может и еще создающихся государственных и общественных демократических институтов).

Создание демократической правовой основы для действий правительства в условиях чрезвычайного положения требует продуманной и подробной разработки соответствующего законодательства (включая необходимые изменения Конституции СССР), широкого и демократического обсуждения проблемы. Эта работа должна быть начата немедленно.

Имея в виду последующую подробную регламентацию, мы предлагаем Верховному Совету СССР в самом срочном порядке сформулировать и принять как Закон СССР «О чрезвычайном положении» — быть может, в виде Основ Законодательства

производство, отправив на улицу людей — искать счастья в других местах.

Контроль за поведением протестующих против производственной дисциплины — функция тех военных, которые тесно связаны с военно-промышленным комплексом. Кстати, это ведь и наиболее боеспособные подразделения...

Корр. Армия у нас выполняет часто полицейские функции. А сохранится ли за ней функция обеспечения защиты граждан, их жизни, их безопасности?

Икс. Да, разумеется. Я думаю, это отчасти функции противокатастрофической службы, отчасти — гражданской обороны.

Обострение экологической обстановки, стихийные бедствия, технические аварии в системах жизнеобеспечения ставят спасение людей как задачу № 1. Централизация всех систем жизнеобеспечения и состояние жилого фонда (в котором жилые помещения, не имеющие никаких запасов и ресурсов для поддержания жиз-

ни), состояние гражданской обороны превращают большие и средние города в случае аварий и природных катастроф в ловушки, из которых невозможно выбраться. Население страны не имеет навыков самозащиты, не обладает элементарными медицинскими знаниями, в семьях отсутствуют запасы медикаментов, продуктов питания, воды, топлива, и нет возможности их создать.

В принципе все эти задачи должна решать система гражданской обороны. Однако ход событий в Чернобыле и в Армении показал, что при существующей организации эта система не дееспособна решать поставленные перед ней задачи. Имеет смысл, очевидно, разработать новую концепцию гражданской обороны с существенной децентрализацией ее подразделений и функций. Этим тоже стоит заняться военным.

Корр. «Разделить власть и свободу...» Я пока вижу много власти — но где свобода?!

Икс. Режим военной диктатуры в производстве не может и не должен

СССР — главные принципы будущего Законодательства.

Мы считаем, что эти принципы должны основываться на принятых международных правовых понятиях, богатой мировой практике и предусматривать следующее:

1) Чрезвычайное положение на всей или части территории страны может быть введено лишь в кризисной ситуации, затрагивающей все население этой территории и угрожающей организованному существованию общества, составляющего основу государства.

2) Чрезвычайное положение может быть оправдано только и исключительно стремлением вернуть страну к нормальному демократическому развитию и потому должно быть строго и определенно ограничено во времени.

3) Полномочия введения чрезвычайного положения, процедура принятия такого решения, а также пределы допустимого повышения полномочий исполнительной власти должны быть

строго определены законом. Ничто в законодательстве о чрезвычайном положении не может выводить правовую ситуацию в стране из-под законного эффективного контроля — как внутригосударственного, так и международного. Во всяком случае, должны быть предусмотрены законодательные меры, прямо запрещающие изменение Конституции в период чрезвычайного положения и неоправданное и незаконное его продление.

При всех условиях законодательное решение должно обеспечивать национальный суверенитет Республик.

Предлагаемое срочное законодательное решение должно включать, по крайней мере, следующие принятые в международном сообществе принципы:

а) принцип объявления — повсеместного, предпринимаемого в установленные законом сроки, уполномоченным на то официальным органом и в соответствии с заранее установленной процедурой;

распространяться на обыденную жизнь. Вот эта обыденная жизнь с ее проблемами и должна стать предметом заботы представительской подсистемы — советов, партии или чего-то другого. Функции политической — представительной иерархии: обеспечение прав и всего прочего у населения.

После того, как представительские органы становятся собственниками всего, что находится на их территории, на базе Советов возникают новые представительские структуры, скорее всего разные, — где какие получатся. Эти органы власти должны будут взять на себя функции обеспечения социальных гарантий и стимулировать население к созданию судебных и больничных касс, местных систем социального страхования и социального обеспечения, сберегательных банков, систем платного здравоохранения, просвещения и обучения, пенсионных фондов.

И третья компонента — юридические иерархии, сильные суды, функции которых на первых порах

— в посредничестве между военизированным производством и действительно представительскими органами.

Итак, сильная власть военных специалистов и организаторов производства в производстве, свобода голодать и мерзнуть, а также продавать и покупать, для населения — коллегияльность в представительской политической подсистеме, где голодные и мерзнувшие рабочие, мелкие торговцы и прочие предприниматели будут отстаивать свои права, — и судебный контроль за отношениями между производством и представительскими органами.

И партия — как организатор всего этого.

Корр. Пожалуй, я понимаю, отчего вы предпочитаете не называться своим именем.

Икс. И вы скоро убедитесь, насколько это вообще удобней для всякого, кто разбирается в происходящем.

Беседу провел
Глеб ПАВЛОВСКИЙ

ДОСЬЕ «ВЕНА»

б) принцип уведомления государств — членов международного сообщества должным узаконенным способом и в должные сроки;

в) принцип исключительной угрозы, исходящей из неизбежности кризиса, угрожающего организованному существованию общества, — кризиса, который невозможно предотвратить мерами, допускаемыми в обычный период;

г) принцип пропорциональности принимаемых мер ограничения или приостановки прав и свобод степени опасности кризисной ситуации с тем, чтобы ограничения не выходили за те строгие пределы, которых требует создавшееся положение;

д) принцип недискриминации, требующий, чтобы ограничение прав при чрезвычайном положении не влекло за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, национальной принадлежности, пола, языка, религии или социального происхождения;

е) принцип неприкосновенности некоторых основных прав, по крайней мере таких, как право на жизнь, на свободу от применения пыток, от рабства, от ретрактивного возбуждения уголовного дела, право на признание правосубъектности, на свободу совести и религии, семейные права, права ребенка, право на гражданство, право на участие в жизни государства.

Подготовленный специальной комиссией Верховного Совета проект Основ Законодательства о чрезвычайном положении должен быть предложен для всенародного обсуждения, а принятый Верховным Советом Закон об Основах — утвержден на Съезде народных депутатов.

Члены Московской Хельсинкской группы

Лариса БОГОРАЗ, Юрий ОРЛОВ,
Сергей КОВАЛЕВ, Вячеслав БАХМИН,
Алексей СМЕРНОВ, Лев ТИМОФЕЕВ, Борис ЗОЛОТУХИН.

Эффект воронки

Возможен ли „зеленый“ тоталитаризм?

Максим СОКОЛОВ

Для того, чтобы объяснить ту мерзость, в которой наша страна жила десятилетиями, указывают на разные причины — дурной характер (или психическое нездоровье) И. В. Сталина, отсутствие в России устойчивых демократических традиций, трудности первопроходцев истории, жидомасонский заговор и т. д. Удобство такого рода объяснений заключается, во-первых, в ссылке на объективные причины и, во-вторых, в отнесении причин к тем еще временам, которые давно прошли. Недостаток же их в том, что объяснениями они не являются: дурные черты характера имеют все люди, в том числе и правители государств; любая демократическая традиция, раз она не устояла, является «неустойчивой»; всякий путь истории является неизведанным; а что до жидомасонского заговора, то он мифологически вечен, и уже поэтому ничего в отдельности не объясняет.

Полагаю, что для понимания случившегося лучше обратить внимание на характер цели, поставленной перед строителями нового общества. Это не развитие демократического самоуправления, это не развитие хозяйства страны, это не социальная политика, это не спокойное развитие науки и культуры. Собственно говоря, цели не было — была сверхцель: создание нового, небывалого общества, единство трудящихся в создании рая на земле.

Этот комплекс представлений — «мы наш, мы новый мир построим», «наше поколение будет жить при коммунизме» — уже и нельзя называть целью, ибо он выражает не стремление к чему-то конкретному и осязаемому, а к сверхценному, к выходу из истории. К абсолюту.

Бесноватый фюрер так бы и бесновался по мюнхенским пивным, если бы Германия не поверила в высшую ценность арийской расы. Параноик Джугашвили был бы только достопримечательностью тифлиских духанов, если бы Россия не бросилась строить рай на земле. Для нас же важнее понять, что в сознании бывлых жертв помогало палачам избивать людей десятками миллионов.

Но вот на это надежды мало. То, что Хрущев честил Сталина за стрельбу «по своим», есть лишь разжалование данной, конкретной и порядком оскандалившейся сверхцели — сам принцип абсолютной цели не отвергается. И сегодня, предаваясь неистово плетению словес по поводу храма, — тут и храм недеформированного социализма, и храм нового мышления, и еще Бог весть чего — сейчас бы припомнить прозрачную евангельскую притчу: «Ибо какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей вредит?» И не за другие ли слова — «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, приобретут же они весь мир», — пришлось заплатить миллионами Голгоф? То же, что сейчас происходит, весьма мало напоминает осуждение греха и ужас перед содеянным. В словах провинившегося ребенка: «Папочка, я больше не буду!» — куда больше того искреннего чувства, чем в речах о том, что Сталин-де умер, а оттого Западу нечего больше нас бояться.

Это может прозвучать кощунственно, но немцам было легче: в сожженной до головешек, разделенной на четыре оккупационные зоны Германии 1947 года дико прозвучали бы речи типа: «А теперь, осознав свои ошибки и сурово

осудив преступления Гитлера и его окружения, мы предлагаем всему миру склониться перед родившейся у нас новой всепобеждающей идеей». В нашем случае не хватает не то чтобы национального покаяния, но даже простого стыда. Неужели дожидаться, пока и Россия будет лежать в головешках? Все как двадцать пять веков назад: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло». То, что сделало сталинщину возможной, — способность кланяться очередной всепобеждающей сверхцели — цветет и дальше пышным цветом.

Для справедливости заметим, что здесь, конечно, работает и общечеловеческая слабость, которую я назвал бы эффектом свежей воронки. Хотя артиллерийская наука и военный опыт согласны в том, что лучшее укрытие при артобстреле — это свежая воронка, инстинкт страха не даст осознать, что снаряд не падает дважды в одну и ту же точку, и человек бежит по полю — прямо под следующий разрыв. Так память о позиционном кошмаре первой мировой войны заставляла строить линию Мажино. Так доживающее последние дни Временное правительство видело во всем происходящем козни монархистов — а на дворе был Октябрь семнадцатого. Так жгучее желание лишний раз потреть генералиссимуса приковывает все внимание к увядшим цветочкам, не давая заметить наливающимися ягодам.

Вот простой пример. В катехизисе перестройщика, сборнике «Иного не дано», академик Н. Моисеев поведал о том, как на основе нового политического мышления и экологических идей будет создано еще одно учение, в котором гармонически сольются Природа и Человек (в начале века это называлось антропософией). Но каким образом поддерживать публику в верности новому Всепобеждающему Учению? Решением этой ключевой проблемы всякого тоталитаризма для академика Моисеева является «телематика» — нечто, соединяющее в себе

достижения компьютерной техники, техники телемостов и телевизионного мониторинга, позволяя осуществлять процесс внушения непрерывно и с поддержанным обратной связи. Читавшие «1984» Дж. Оруэлла уже вспомнили телеэкрин, являющийся не только телевизионным приемником, но и передатчиком. В том, что академик вдохновлен идеей тотального электронного контроля над личностью (прежде была всемирная программа «Учитель», теперь — «телематика»), я усматриваю эффект свежей воронки: Чингисхан с телеграфом страшен, Чингисхан с компьютером — нет!

Что такое национал-социализм объяснить не надо. К сожалению, помня Бабий Яр и Освенцим, мы часто забываем, что нацисты начинали свою борьбу за пробуждение Германии. Мы помним, что творили нацисты, и забываем, как они приобрели возможность совершать свои злодеяния. Имперские амбиции, приведшие к нищете и разрухе, тяготы, связанные с отказом от автаркии и попытками включения в мировую экономическую систему (инфляция, затем великая депрессия), политизация общества, окончательное крушение сословного быта, эпоха джаза, падение монархии — суть вполне реальные трудности, на которых спекулировали нацисты. Взамен предлагалась идиллия корпоративного, основанного на нацистских идеалах, свободного от гнета международного империализма сообщества мелких производителей. Легкомыслием было бы думать, что в эпоху резкого социального расслоения, инфляции, вестернизированной масскультуры, кризиса семьи и экономической разрухи никто и в нашей стране не соблазнится фундаменталистской утопией.

Само представление о надобности национального возрождения есть не чистый бред, а вывод из той печальной истины, что строительство великой империи дороже всего обошлось народу-строителю. Платой за мировое величие является развал хозяйственного уклада и замена самобытной национальной культуры имперской мифологией. Если

же учесть, что национальное строительство, имеющее необходимым условием знание основных событий русской истории, начитанность в русской классике и посильное владение русским литературным языком, требует усилий, то куда более легким и соблазнительным может показаться путь растаптывания чужих культур и украшения имперских святынь национальными арабесками. Развал гуманитарного знания, бесполезного для строительства ракет и сочинения идеологических речей, и многолетняя культурная изоляция делают почти равным нулю уровень критicismа при восприятии речей «национальных барабанщиков». И соблазн изгонять Вельзевула с помощью Дьявола, науськивая «истинно русских людей» на либералов, вполне может оказаться неодолимым.

Загрязнение окружающей среды, наркомания, инфляция, организованная преступность, всеилесие военно-промышленного комплекса — все эти напасти считались исключительно достоянием Запада, а Советская Россия предполагалась от них стопроцентно иммунизированной. Еще раньше — век назад — Достоевский считал, что революция в России невозможна. Нет, к сожалению, гарантии ни от Великого Национального Возрождения, именуемого в обиходе коричневой чумой, ни от Великой Зеленой Утопии — чумы зеленой.

Экологический кризис дает неплохие перспективы именно для зеленой чумы. Вследствие действительно угрожающего состояния природной среды эта сверхцель захватывает массы, измененные вполне реальными тяготами. Другое дело, что лекарство, предлагаемое сверхцелью, оказывается хуже болезни. Эксплуатация человека человеком и эксплуатация природы человеком породили в чем-то сходные кризисы. Кризис, названный хищнической эксплуатацией человека человеком, мог преодолеваться как на путях реальной борьбы с хищничеством (профсоюзы, общественная благотворительность, государственное регулирование условий продажи труда, социальное страхование и т. д.), так и на путях борьбы с человеком, по которому нас повели гг. Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот и

прочие. Эта сверхцель, кстати, вполне была достигнута Сталиным в 30-е годы: хищническая эксплуатация человека человеком стала невозможна. Ее заменила хищническая эксплуатация человека государством.

Развилку, через которую проходил рабочий вопрос в конце XIX века, предстоит миновать в конце XX природоохранной деятельности. Либо верх возьмет благоразумие (соблюдение уже существующих норм и последующее их устроение, система строгих санкций за нанесение ущерба среде обитания, экономическое стимулирование чистых производств), либо победит очередная сверхцель — зеленая утопия. Зеленый утопизм требует отказа от природопользования как такового, требует отнесения к природе всегда как к цели и иногда как к средству. «Горькие уроки, преподнесенные нам «прикладным» использованием природы. Для чего этот лес, эта река, эта травинка? Да для того же, для чего и человек, — само для себя». (М. Эпштейн. Теоретические фантазии. «Искусство кино», № 7, 1988 г.). Пока это остается на уровне буддистских и джайнистских учений, можно лениво поинтересоваться, в каком астрале автор добывает себе еду, питье и драпировку для прикрытия наготы? Но далее этот подход объявляется высшим моральным императивом, базирующимся на идее о выживании человечества как абсолютной ценности.

А вот эта идея страшная — как последствиями, так и их плохой распознаваемостью. То, что ядерная война может окончиться гибелью земной цивилизации, — с этим никто не спорит. Страшненькое начинается, когда относительный запрет подменяется абсолютным. Если выживать следует любой ценой, то зачем сама сохраненная жизнь? От сотворения мира и до наших дней вся человеческая культура базировалась на том, что есть ценности, которые выше жизни. Если мышление, отрицающее такие ценности, станет всеобщим, то это фактически означает появление новой породы живых существ, имеющих не больше общего с человечеством, чем амебы, уцелевшие после ядерной войны.

Вернувшись к экологии, заметим, что

абсолютизирующая выживание Зеленая Утопия ставит целью отказ от дающей выхлопы творческой деятельности и обратное растворение человека в природе — зеленые коммуны и т. д. Далее возможны два варианта. Либо цивилизация отрицается как таковая — тогда нам предлагается вернуться в лес и примириться не то что с подавлением личности, а с ее простым отсутствием, как это было в «Храме народов» Джима Джонса в Гайане (заставившего своих подданных принять яд и счастливо преобразовавшегося из преступного изувера в 1978 году в «борца за новое мышление», каковым его объявили в 1987-м) — либо цивилизация остается.

Но общественное разделение труда, свойственное цивилизации, может базироваться либо на экологически грязных немых орудиях, то есть машинах, либо на экологически чистых говорящих орудиях, то есть на людях. Писатель-эколог может вдыхать чистый воздух и пописывать «Буколики» и «Георгики», пока говорящие орудия будут пахать землю или сидеть в рабских эргостулах. Кроме того, что не всем при «новом зеленом порядке» удастся попасть в писатели-экологи, заметим, что переход к идиллии, отчасти противоречащей тяге человека к наживе и комфорту (что делать с предпринимателями и профсоюзам?), равно как и поддержание ее в стабильном состоянии (как быть с изобретателями и рационализаторами?), потребует такого государственного всевластия и такого репрессивного аппарата ради будущей Великой Борьбы за Зеленый мир, что тов. Сталин ягнечком покажется.

То, что без твердой руки в таком деле не обойтись, похоже, проговаривают писатель Юрий Бондарев: «Движение «зеленых» должно перейти границы государства и стать всемирным, единым, мощным» («ЛГ», 22.6.1988) и кандидат исторических наук В. Пряхин: «Необходима новая, более высокая степень управляемости миром и, может быть, некий Мировой интернационал (или Парламент) людей доброй воли, объединенных целью выживания цивилизации и координирующих свои действия

во имя этой цели» («Новое время» № 40, 1988). А что делать с людьми недоброй воли? Вот вам и новая сверхцель — не хуже, чем у тов. Сталина. Любителям зеленого абсолюта и экологии любой ценой заметим, что самым чистым городом мира был в 70-е годы Пномпень, — при красных кхмерах.

Я был бы рад ошибиться в своих опасениях, но трогательная легкость отказа от сталинско-сусловской духовной сивухи, отсутствие видимого шока и готовность, а далее осчастливить мир новыми замечательными прожектами (введение новой всемирной религии — культа Непобедимого Солнца, одолевающего ядерную зиму, уже предлагает журнал «Знание — сила» № 1/87) вызывает напрашивающееся сравнение с тем, как происходит отказ от сивухи материальной. Если много лет пивший запоем человек решил отказаться от привычки опьянять себя, то ему придется пережить период ломки. Очень вероятно, что ломка ему не понравится, что необходимость признать годы запоя ушедшими в песок и начать все сначала отпугивает его, и он предпочтет улучшить самочувствие новой дозой. А всякий нарколог скажет вам, что в таком случае размер доз должен увеличиваться — то, что давало кайф прежде, теперь уже не действует.

Отсутствие комплекса вины и продолжающееся ощущение своей авангардной роли во главе человечества усиливает подозрение — не переходит ли опохмеление в еще более тяжелый запой? Бой с усатым призраком, а не со складом мысли, давшим недоучившемуся семинаристу вырасти в чудовище, вызывает в памяти известное правило беса — заставлять людей бегать с огнетушителем во время наводнения. Вспомним лучше мудрую сказку Толкиена, в которой волшебник Гандальф говорит: «Снова и снова — разгром, затишь, но потом Тьма меняет обличье и снова разрастается». Нам не дано избыть Тьму, зато дано отличить ее от Света. Но для того надо видеть ложь поддельного добра — очередной спасающей человечество сверхцели. Если мы не хотим жить в аду, научимся жить в истории.

Риск пустоты

Мы живем в напряженно сжатом политическом времени: серьезные проблемы возникают, множатся, но не успевают получить должного осмысления. То они теряются в потоке плоских «про-перестроечных» проповедей, то уносятся вихрем политического активизма, становясь жертвой эмоций. Идет своим чередом борьба за перемену вектора перестройки, продолжаются волновые колебания в раскладе политических сил. Вызревание нового этапа демократического движения совершается на фоне усиления кризиса системы ценностей. Размывание общественного сознания и девальвация категорий социализма, да и многие другие явления порождены самой внутренней логикой переходного периода.

Нерешительность и противоречивость в проведении перестройки ведут страну к углублению кризиса — считают одни. Отнюдь нет, считают другие, кризис власти миновал, реорганизовав силы, она ценной компромиссов ведет корабль перестройки верным курсом. Третьи — в скептической ухмылке: лучше не будет, будет только хуже — период развала-с!..

Трудно даются руководству испытания перестройкой. «Билет» вытянут хороший, да патерналистская спесь и глубокая внутренняя неуверенность в своих силах не позволяют (в очередной раз) сдать экзамен по предмету реформы. И его не сдать, если продолжать политику половинчатых мер, подменяя демократию дозируемой либерализацией, свободу слова — полугласностью, радикальную реформу — видимостью аппаратной возни.

В середине 80-х давление проблем было значительно больше давления народа: существовали своего рода ножницы, оставлявшие пространство для маневра. Сегодня же напор со стороны населения — фактор более серьезный, чем даже

засасывающая сила экономической разрухи. Маневрировать уже тяжело. Ножницы сомкнулись, пространства для маневра нет.

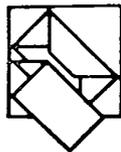
Нынешняя кризисная ситуация в Советском Союзе характеризуется наличием некоего всепроникающего общественного вакуума. Он имеет четыре ипостаси.

Вакуум структурный. Смелыми директивными решениями реформистское руководство ломает вертикальные структуры командно-административной системы, не создавая, впрочем им на замену структур горизонтальных (не вызревших пока что «снизу»).

Вакуум юридический. Старые нормы устарели, превратились в атавизм и не работают, новые пока что не вызрели или не окрепли; в разреженное пространство засасываются наспех создаваемые нормы и акты «социалистического правового государства» — неадекватные, входящие в противоречие с логикой развития самой перестройки.

Вакуум символический. Происходит коллапс прежнего символа сильной власти и самой государственности. Партия быстро теряет значение цементирующей силы унитарного централистского государства. Возникает вопрос: а нужна ли теперь символическая функция партии и если нет, то каковой может быть новая символика? Всякое общество скрепляется символом, особенно такое, основанное на мифологическом мышлении, как наше. Один миф за другим разваливается, другие еще не построились и — в вакууме возникают мифические прожекты, умозрительные конструкции, новые символы-носители.

Наконец, вакуум веры. Не создано ни финансового отправного капитала и материально-товарных запасов, ни — что самое печальное — капитала доверия. Кризис доверия — главная проблема момента. Помноженная на растерянность и недовольство, она в скором време-

ни грозит превысить допустимый уровень. Те, кто раньше верил в социальную справедливость и защищенность — в смятении; и без того искаженная система ценностей подвергается новой деформации. Другие поверили в перестройку, а она обманывает их ожидания. Утраченные надежды во сто крат хуже безверия, а верить хочется: так появляются новые мифические герои и вожди, символы веры на микро- и макроуровнях.

Россия — страна с иррациональным мышлением. Здесь не работают такие ценностные критерии как экономическая рациональность, социальное равенство, демократия. Главное здесь — это вера, доверие, жажда полной правды и необходимость нравственного спокойствия. Народ наш сегодня именно обеспокоен нравственно. Он и рад бы уверовать в новый порядок, да не чувствует ни творцов его, ни результатов их творений. Слишком много огрехов сделано как до, так и в ходе перестройки. При полной безответственности за эти огрехи.

Переоценка ценностей приводит к замешательству в умах, сегодня на вопрос — что такое социализм? — чеканный ответ вам дадут, пожалуй, лишь в Румынии и Корее. Мы же своими силами ищем пути к очищению категорий демократического социализма от всех наслоений тоталитарной идеологии и практики.

Новое понимание демократического социализма должно базироваться на движении к гуманизму. Основа этого движения — суверенность и самоценность личности, свобода выбора человеком своей судьбы в коллективистском обществе, в своем социальном окружении. Демократический социализм есть путь саморазвития нашего общества посредством последовательного и сознательного овладения совокупностью политических и экономических прав, гарантирующих повышение качества жизни.

Иное качество нашей жизни означает жизнь более свободную, т. е. благополучную. Равенство возможностей достижения этого благополучия требует гарантий свободы выбора. Но выбор определяется развитой культурой потребностей. Культурность, высокая степень общественного и умственного развития граждан — первооснова демократического социализма. Обстоятельство сие имеет решающее значение именно в наших российских условиях. Там, где имеется терпимость к хапству (ставшему визиткой нации), попустительство насилию, низкая культура межличностных отношений — говорить о стремлении к этическому идеалу очень просто. Под культурой общества хотелось бы понимать авторитет знаний и силу аргументов; благожелательность и внутреннюю готовность к компромиссам; гуманность и милосердие в социальных отношениях; неприятие тоталитаризма, этическое согласие неизбежно ведет нас к принципам мировоззренческой терпимости и социального мира (социальной конвергенции).

И если мы хотим стать органичной частью мирового цивилизованного сообщества, в своих делах будем исходить из сверхзадачи культурного возрождения новой России. Предстоит долго восстанавливать отравленные воинствующим материализмом нравственно-этические корни. По моему глубокому убеждению культурное возрождение возможно только на путях творческого сближения двух основных идейно-политических течений общественной мысли в нашей стране: западничества и славянофильства. Без этого не решить ни «русского вопроса», ни вопросов духовного самоопределения. Без этого сближения мы останемся на дымящейся пороховой бочке бесплодной и изматывающей внутренней тяжбы.

Олег РУМЯНЦЕВ,
г. Москва.

Постоянный читатель «Века» хорошо знает, что мы не в первый раз обращаемся к «проблеме России». Публикуемая ниже статья — не первая, где предлагается возродить исконно российское землеустройство в необозримой стране, состоящей, в свою очередь, из стран. Если верно, что Россия веками «собирала земли», то делалось это не для того, чтобы превратить их в безликий территориальный массив, руководимый из одного центра. А что по этому поводу думают специалисты? Редакция обратилась к сотрудникам Института географии АН СССР докторам географических наук Галине Сдасюк и Якову Машбицу, кандидатам географических наук Владимиру Колосову и Борису Кочурову.

Проблема России

Анатолий МИХАЙЛОВ

Конституционное формально-равноправное положение РСФСР в составе СССР реально таковым не является, хотя бы из-за размеров России, из-за совмещения столицы Союза с ее столицей и т. п. (Положение это удивительно напоминает положение Пруссии (и Берлина) в Веймарской республике). Неверна и квалификация РСФСР как федерации, у нее нет конституированных равноправных границ: ведь автономии представлены на уровне Союза, а не внутри.

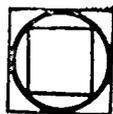
Эти несообразности, усиленные имперским мышлением части русского народа вместе с самоощущением своей неполноценности в государстве, — создают более опасную гремучую смесь, чем любой национализм других наций.

Один из способов преодоления этих проблем, способ, который дал бы пример и другим нациям СССР, связан с разделением национальных и государственных аспектов. Способ этот прост: создание ряда равноправных суверенных

русскоязычных государств, возрождение русскоязычного полицентризма.

Способ этот уже предлагался столь разномыслящими людьми как математик Н. Моисеев и историк М. Гефтер. Он известен и в мировой практике: вся английская политика была направлена на поощрение самоуправления, в результате чего возникли Канада, Австралия и т. д., которые несмотря на конфликты в прошлом вряд ли способны на конфликт между собой в настоящем. Имеется множество испаноязычных стран, португалоязычных. ФРГ после войны также создала федеральную структуру (правда, ввиду малости страны все-таки слишком унитарную с нашей точки зрения).

Основные соображения просты: следует образовать регионы, составляющие некоторую целостность (при этом полезно правило теории управления о числе подчиненных единиц порядка 7—10). Хотя эти регионы и могут иметь некоторую историческую общность, но не она

должна быть главным признаком структурообразования. Речь идет только о простоте перехода от нынешнего состоя-

ния к желательному. (Это также не ново: именно так образовывались Земли при конституировании ФРГ).

Примерный список таков:

Центрально-Российские Земли
Урало-Волжские Земли
Сибирская республика
Южно-Российская Республика
Северо-Западная Российская республика
Дальне-Восточная Республика
Московский регион

столица Нижний-Новгород
Свердловск (или Самара)
Новосибирск
Ростов-на-Дону
Петроград
Находка (или Владивосток)
— внереспубликанский общесоюзный Центр

Речь идет прежде всего о политической суверенности: свое правительство, свой МИД, контроль над природными ресурсами, свое гражданство. Конечно, должны быть республиканские гражданства: Родина не может быть всей планеты или даже ее 1/6-й частью. Ведь никто больше самих местных жителей не заинтересован в хорошем состоянии окружающей среды, в недопущении проматывания природных богатств. (При этом, конечно, нужны взаимные гарантии прав мигрантов, способы расчета по взаимным миграционным потокам и т. д. и т. п.).

Границы должны быть открыты, таковы, кроме специальных экономических зон, должны быть запрещены. Это все должно быть установлено в договоре образования суверенных единиц.

Речь идет не о расколе России, как наверняка заговорят горячие головы, вспоминающие о «единой и неделимой». Но о децентрализации принятия повседневных управленческих решений, о реальной свободе от «диктата Москвы». Только такой раздел в состоянии реально стимулировать борьбу с бюрократией.

Отсутствие такого размежевания российских республик на фоне возрастающих тенденций к самостоятельности других наций обязательно породит нарастающие осложнения и в России и среди русского населения прочих республик, замедлив преобразования в стране в целом.

Прежде всего следует выделить Центр (Московский регион) как самостоятельную территориальную единицу, неподчиненную республикам. (Иначе как можно говорить о равноправии республик в Союзе? При этом, ввиду тесной связи области с Москвой-городом, чтобы не осложнять жизнь москвичей, желательно выделить именно такой парной единицы: город+область).

Затем нужно сразу приступить к наделению суверенностью окраинных частей России, которые могут и обязаны играть роль политического и экономического буфера между остальной частью России, Союзом и всем миром. Их географическое расположение к тому же удобно для образования специальных экономических зон. Затем желательно преобразовать оставшуюся часть в Центрально-Российскую федерацию, состоящую из трех указанных частей, пока еще объединенных в целое, но находящееся в состоянии переформировки (то есть, например Верховный Совет еще один, но уже будет поделен на 3 региональных секции).

Это уже, вероятно, потребует поддержки «снизу», поскольку существенно заденет управленческие слои и возникнут вопросы с автономиями. Однако и здесь решение должно исходить прежде всего «сверху» и опережать события, чтобы «не раскачивать союзную лодку». (Сложность еще состоит в том, что, например, Сибирь, только имея уровень республиканской суверенно-

сти, сможет покончить с расхищением ее богатств, но «дарование свобод» сверху может укрепить тот слой неудачных управленцев, которые допускали эти процессы до сих пор).

Наконец, на заключительном этапе происходит окончательное разделение. Процесс, в политическом плане, должен осуществляться решительно и быстро, то есть в течение года — двух (максимум трех), иначе неизбежно возникнет весьма опасная нестабильность.

Механизмом, обеспечивающим на начальном периоде суверенного существования гарантии против сбоев политического процесса, может быть институт центрального (или же союзного) Комиссара, закрепленный в республиканских (земельных) Конституциях. Речь идет о представителе, назначенном

центральной Россией (или же Москвой) в новообразованные российские республики, который выполняет нотариальные функции при формировании правительства в обычных условиях, но обладает полномочием арбитра в критических ситуациях спора и осложнений. Например, посредством отправки правительства (или министра) в отставку, а затем после консультаций (обязательных!) с Верховным Советом предлагая новые альтернативы.

Для крайних демократов и националов, возможно, все это не выглядит вдохновляюще. Однако другого пути введения демократии и разрыва с имперским прошлым России, другого пути мирного освобождения русской нации от морально сомнительного «единого руководства» — автор не видит.

ВЛАСТЬ — ЗЕМЛЯМ!

Я. МАШБИЦ. Что значит выстраивать новую, экологическую и самоуправляемую территориальную общность? Да первым делом прекратить то систематическое насилие над территорией, которое стало сегодня средством выживания для никчемных производственных и управленческих структур. Оборачивается это полной абсурдностью производственной логики и в свой черед плодит и новые перекосы в социальной жизни, и новые нравственные потери.

«Лесов, полей и рек», как мы десятилетиями пели, у нас действительно много. Но территориальный баланс страны уже сверхперенапряжен. А ведомства, с планами которых принцип естественного территориального развития просто несовместим, пытаются втиснуть все новые предприятия туда, где образованная рабочая сила, да и воды вдоволь. За Прибалтику и Краснодарский край чуть ли не драка идет. А куда же там еще селить мигрантов?

Взглянуть хотя бы с этой точки зрения на нашу столицу. По какому принципу планировалась ее экономическая

карта? Не подлинные потребности жизни тут были поставлены во главу угла, а один голый идеологический принцип: в Москве, как на выставке достижений, должна быть представлена вся современная промышленность!

Значит, набирали людей со стороны, город расплзался, новые проблемы — снабжение, жилье, образование. Решать некогда — и сейчас каждый седьмой ребенок в Москве неполноценен в умственном отношении. Можем ли мы в таком случае почитать свой город духовным центром страны? И будет ли процветать страна с таким центром, если все пространство между Москвой и Ленинградом — сплошная экономическая пустыня? Понятие социализма, выработанное в период нэпа, включало не только централизованное руководство экономикой, но и принцип территориальной самоуправляемости, свободу различных местностей «и даже различных общин государства» в выработке разнообразных форм государственной, экономической и общественной жизни.

Г. СДАСЮК. С нами уже начинают обращаться как с рядовой страной

третьего мира. Разве не красноречив пример Астрахани и Горловки, уже превращающихся в свалку грязных западных технологий? Разве долго штабам Запада и Востока сплется за счет наших же земель, не имеющих собственной власти над собой? А это означает не только разводить новую грязь в своем же доме, но и подпирать «советско-западными проектами» родную центральную бюрократию. Между тем, у нас были прекраснейшие проекты Баранского, Кржижановского, проводившие идею **территориального** функционирования общества, **регионального** самообеспечения и самоуправления. Пора возвращаться к репрессированным идеям, а не только к одним именам репрессированных людей.

Еще в 20-е годы Н. Баранским был подготовлен для Сталина проект разделения страны на 21 крупный самообеспечивающийся регион. Это были не нынешние безликие «административные единицы», не мелкие районы и области, нарубленные московским топором — механически, без учета их экономической, социальной и этнической природы, не имеющие элементарной базы для решения своих же проблем. То были территории крупные, способные самостоятельно, изнутри выстраивать свою производственную и культурную жизнь. Как рассказывал сам Н. Баранский (мне посчастливилось быть его ученицей), даже Сталину сперва проект понравился, и он сказал, что как-нибудь отыщет для этих территорий двадцать одного умного руководителя. Понятное дело — когда вождь решил бразды держать в одних руках, проект сошел на нет. И возродился позднее, в хрущевских планах территориального управления, не подкрепленных, правда, идеей развития демократических общественных структур на местах. Помню, когда Баранский заводил речь о Хрущеве (который тоже был одно время его учеником), то морщился и с горечью вздыхал: «Эх, недоучил я его, недоучил...»

Так не пора ли нам сегодня с новыми силами подойти к той же идее? Вернуться к принципу территориального функционирования, но уже безо всякого «двойного дна». Чтобы ни один руково-

дитель в «сильном» центре не мог усмехаться себе в усы: ладно, мол, «самоуправляйтесь», у меня хватит веревочек, чтобы вас одергивать то так, то эдак.

Я. МАШБИЦ. Но вопрос и в том, чтобы не одному народу выжить, но и всем сообща. А это значит, дать такую экономическую нагрузку своим территориям, чтобы не только прокормить себя, но и — сегодня это уже прямой долг каждой страны, причисляющей себя к развитым, — отдать максимум для международной системы помощи тем районам, от судьбы которых уже напрямую зависит всеобщее выживание.

А можем ли мы всерьез размышлять о глобальном сотрудничестве, если коэффициент использования наших собственных земель удручающе низок, и мы с вечно разинутым ртом смотрим на блага соседних стран? Новое мышление — это не абстрактное понятие. И чтобы оно стало достоянием не только «высших эшелонов», но и всего нашего народа, придется переосмысливать все наши взгляды на региональное развитие «глубинки».

В. КОЛОСОВ. Да и если говорить о социально-экономической стратегии, то что тут вообще зависит от местного населения? Можем ли мы, например, вмешаться в процесс расслоения наших земель на относительно благополучные и почти одичавшие районы? Капиталовложения, идущие «в глубинку» контролируются в первую очередь ведомствами. Но если сейчас всерьез думать об устойчивой, экологической территориальной общности, то придется как раз заниматься пустынными нашими районами, теряя, конечно, в результативности инвестиций. А возможно ли это, если общество не имеет механизма контроля за главными линиями региональной политики?

Каких изменений требует сегодня принцип самоуправления? Во-первых, демократическая перспектива регионального развития невозможна вне продуманного административно-территориального деления, а оно у нас давно уже на всех уровнях устарело. Области различаются по территории и численности населения к объему промышленного производства в сто раз, а стало быть, в

одних районах в десятки раз меньше условий для экономической, общественной и культурной активности, чем в других! Ситуация, с точки зрения политической, довольно щекотливая, тем более, что эти столь разновеликие территориальные единицы одновременно считаются и избирательными округами. И сегодня, когда мы узаконили борьбу нескольких кандидатов за депутатский мандат, «нарезка» их владений и, значит, численность избирателей, могут дать перевес отнюдь не тем, кто честно завоевал свою популярность.

Мы так и не изучили до сих пор механизм согласования местных и общегосударственных интересов, который продолжает совершенствоваться каждое цивилизованное общество. На Западе согласие местных органов власти зачастую просто необходимо, чтобы начать рискованное, с природоохранной точки зрения, строительство. Думаю, что и наши парламентарии должны выработать свою систему экологического арбитража. Это помогло бы создать такой институт, который ограничил бы бесцеремонный напор на регионы сверху, а в будущих условиях регионального хазрасчета не позволил бы наиболее богатым районам, отказываясь от своих грязных производств, сбрасывать их «нищим» областям СССР.

Девяносто процентов предприятий в Закавказье, оказывается, расставлены центральными ведомствами, а это означает не только разрастание вредных производств, но и поток далеко не всегда воспитанной и высокообразованной рабочей силы в убогие и культурные республики. Эта неестественная, не вытекающая из интересов региона миграция и превращается подчас в главную причину недоверия, настороженности в отношениях между людьми разных национальностей.

Б. КОЧУРОВ. Развитие наших территорий, действительно, практически никак не привязано к их органическим, внутренним потребностям. Отсюда и начинается настоящий сумбур спускаемых сверху плановых заданий, бессмысленно разбазариваются местные ресурсы, раскрываются новые экологические проблемы.

Побывал я недавно в Кузбассе. По

улицам не ходишь — плывешь в угольной пыли. И тут же стоят целые вагоны сверхпланового угля, так, оказывается, никому и не нужного! Пять лет назад из этого бассейна вычерпывали 112 миллионов тонн угля, теперь — 150, и планы все увеличиваются. А учебники (взять хотя бы последний учебник по географии для 9-го класса, который получил государственную премию) вдалбливают в умы детей то же бахвальство валовым показателем — количеством металла на душу населения и тому подобное.

Кому нужна эта гонка? Если бы в основу плановых заданий брались не абстрактные «нужды общества», а потребности конкретных саморазвивающихся территорий, то очень многое из того, что мы записывали в наши экономические программы, оказалось бы попросту ненужным. Чтобы разработать экологичную технологию, переориентировать экономику на интересы территориальных общностей, сегодня нужно все больше средств вкладывать в науку, образование. А на что идет национальный доход? Одни ведомства зацепляют своими зубчиками колеса других, механизм крутится, требуя новых ассигнований. Весь механизм финансирования нацелен на невозможность самостоятельного процветания земель, мест и регионов.

Ведомства на местах правят всем, и никакая реальная сила им не противопоставлена. Между тем, на нашей карте уже появились десятки районов бедствия, зоны нищеты, зоны конфликтов, а указания центра только нагнетают ситуацию. Жизнь целых районов устроена так, что они не в состоянии себя прокормить. А это означает, что жизни тысяч людей зависит целиком от централизованного обеспечения.

Вне саморазвивающихся территориальных общностей мы из кризисов не выползем. Но оглянемся на тот же Запад. Территориальный принцип функционирования системы — это, по существу, западный принцип саморазвития, и регионализация СССР означает пусть медленную, зато неподдельную нашу европеизацию.

Беседу провела **Татьяна СНОПКОВА**

Отшатнуться от зла

Григорий ПОМЕРАНЦ

Моя статья «Мамин вопрос» (№ 3/89) вызвала несколько откликов. Начну с довольно злого, но талантливо кратко:

«1). Когда меня с выбитыми зубами поведут в штаб Духонина (на расстрел — Г. П.), как я отличу, кто меня ведет — идейные борцы или просто негодяи? Эссе не содержит методички различения.

2). Пусть методика будет, и я, по дороге в помянутый штаб, все же пойму, с кем имею дело. Насколько мне станет от этого легче? Ответ хотелось бы прочесть на страницах вашего журнала.»

Если встать на точку зрения убитого, то А. И. Кудрин (Шпаковское, Ставропольский край) совершенно прав. Федору Павловичу Карамазову или старухе-процентщице не очень важно, кто им проломил череп. Но представьте себе, что вы не убитый, а живой и сидите на скамье присяжных. Перед вами, на скамье подсудимых, убийца. Вам все равно, кто он, — Раскольников или Смердяков? Дело ваше; мне не все равно. Раскольников захватила, поработила ложная идея. Но я люблю его. Больше того, читая роман, я чувствую, что меня самого, в молодости, могла увлечь какая-нибудь отвлеченная идея. И Достоевский это чувствовал. Он признавался, что вполне мог быть нечаевцем.

А вы совершенно уверены в себе, что какая-то другая идея вас не увлечет и не толкнет убить человека, который противится великой идее? Вы никогда не задумывались, почему Петр Петрович Лужин, никого не убивший, гадок, а Раскольников вызывает сочувствие?

Я сидел на Лубянке с «повторниками», то есть стариками, виноватыми в том, что пережили несколько лагерных сроков и не загнулись. Это были эсе-

ры, анархисты — люди, бросавшие бомбы. Философами они не были; но нравственный облик бросался в глаза: чистые люди. Встречал впоследствии нескольких старых большевиков, причастных к террору первых революционных лет. И опять скажу вам: люди ограниченные, но по-своему нравственные. Значительно выше уровня обывателя, который никого не расстреливал.

Теперь вообразим, что вы не на суде присяжных, а в более высоком ареопаге и судите **Идео**. Ту самую Идею, ради которой послали в штаб Духонина. Вы, конечно, обвинитель. Но процесс состязательный, и слово предоставляется защите (Е. Кудягину, Москва). Он говорит, что «сама идея социализма (товарищества) и коммунизма (общности в смысле гуманности и взаимопомощи) рождена способностью сочувствовать чужим страданиям».

Когда знакомишься со старыми революционерами, то видишь, что они так и не понимали социализм и коммунизм. Одна старая большевичка рассказывала мне, что в 1917 году пришли ходоки из деревни, сказали, что там нет книг, и она отдала всю свою библиотеку. «Зачем в деревне Рабиндранат Тагор?» — спросил я. «Разве я могла так рассуждать? — ответила О. Г. — Революция — значит все общее». И без логической связи добавила: «Все мои товарищи погибли на фронтах...»

Этот запал, может быть, объясняет, почему большевики победили в гражданской войне. Не одним ведь террором... Наталья Синицына (Хабаровск) спрашивает: «Почему одно и то же Зло до 1924 года и после, с одной стороны, называется «трагической ошибкой революционера», а с другой — «мерзостью провокатора и садиста»? Только потому, что Григория Соломоновича репрессировали в 1949 году, а

не расстреляли в 1921, как Гумилева?»

Уверяю вас, что не потому. Я чувствую психологическую пропасть между Дзержинским и Берией. Революционеры хотели добра, но выбрали средства, которые съели цель. А Сталин, его подручные и не думали о добре.

Я верю в свободу воли. Я понимаю, что после Ленина был очень вероятен Сталин (или другой деспот). Но в железную необходимость, торжествующую как-то мимо людей, я не верю. И потому я не считаю, что сталинщину можно без оговорок вывести из Ленина. Когда Иван Карамазов сказал «все позволено», он открыл дорогу Смердякову. Но Иван — не Смердяков. Смердяков тоже обладал свободой воли.

Эти мои возражения можно адресовать и Петру Григорьевичу (Москва), который спрашивает, как Ленин мог открывать памятник Свердлову, «организатору рассказывания». Думаю, что директива, подписанная Свердловым, была с самого начала согласована с Лениным: такие серьезные решения без Ленина не принимались. Председатель ЦИК, ВЦИК или Верховного Совета только оформляет у нас решения Политбюро (или личные указания вождя). Во всяком случае, директива о красном терроре бесспорно была ленинской (а чем она лучше рассказывания?). Ленин верил, что абсолютная цель, победа Революции оправдывает все средства. В это верили десятки, сотни тысяч коммунистов. И я думаю, что речь Ленина при открытии памятника Свердлову была произнесена с таким же подъемом, с такой же верой в «добро с кулаками», как и другие революционные речи.

Мне рассказывал товарищ по лагерю, Михаил Николаевич Лупанов, как на фронт, разваливающийся, деморализованный, приезжали Троцкий и Зиновьев, произносили двухчасовую речь, — и красноармейцы, в тех же дырявых сапогах, по-прежнему почти без патронов, переходили в наступление и гнали белых. Все вместе — воодушевление, самопожертвование и расстрелы — это и есть революция. Я сегодня не принимаю ее мораль. Но то была мораль, а не сталинский аморализм, прикрасный угрозой «мирового империализма», «троцкизма» и других пугал, в ко-

торые до сих пор верит Г. Н. Павлов (Москва). Он полагает, что я симпатизирую Троцкому. Скорее мягким большевикам — Бухарину, Каменеву, Рыкову. И особенно — Рюгину, призванному бухаринцев и троцкистов объединить против Сталина. Так написано в его платформе, опубликованной в «Юности». К сожалению, я не знал этого факта, когда писал «Мамин вопрос». Пользуюсь случаем исправить свою ошибку и поблагодарить Любовь Мартемьяновну Рюгину, указавшую на пропущенный мной источник.

Нам нужна беспощадная критика прошлого. Но критика без ненависти, без ожесточения, с желанием понять скорее, чем осудить. И здесь я подхожу к откликам на другую мою статью «Палачи и жертвы». Многие не соглашались со мной, что разбойник на кресте — жертва. Сильнее всего возражения В. А. Лещинского (Москва). Он согласен, что нельзя записать в козлиц инородцев и иноверцев, как делает Василий Белов, но есть другой способ, который кажется ему безупречным: «Ни по какому групповому критерию отделить одних от других невозможно, и есть только один всегда верный путь: индивидуальное участие или неучастие. Убивавший, ведающий и не раскаявшийся, не заслуживает прощения». Верно, но откуда мы знаем, кто раскаялся? Как нам задним числом проникнуть в камеры смертников и выслушать их исповедь?

Я могу привести примеры, когда один и тот же человек — герой, палач и жертва. Пастернак изобразил такой характер в Стрельникове-Расстрельникове. Но возьмем из жизни — Блюмкина. Гумилев восхищался им, как героем. «Человек, среди толпы народа застреливший императорского посла, подошел пожать мне руку, сказать, что любит мои стихи».

Мандельштам пришел в ужас от Блюмкина-расстрельщика. А в заключение — сам Блюмкин без суда расстрелян за попытку борьбы со Сталиным.

Или Кедров. О нем рассказал Шаламов. Фанатичный чекист, он благополучно пережил Ежова (в котором, по-видимому, чувствовал такого же фанатика, как он сам), но в Берии угадал нечто до того циничное, что решил

боротся и написал письмо Сталину, оспаривая сталинское назначение. На случай перехвата письма, новое письмо должен был послать сын Кедрова. Письма не были перехвачены. Сталин получил их — и отдал Берии. Берия лично пытал Кедрова, сломал ему позвоночник и через несколько дней пристрелил. Сын Кедрова тоже погиб. Кто же такой Кедров? Палач? Да. И жертва? Да, и жертва!

Практический выход из положения очень простой: завести в «Мемориале» две **картотеки** — палачей и жертв. Карточка Кедрова будет в обеих. Читатели как-то не заметили, что я откликнулся именно на эту проблему — включать ли всех замученных и расстрелянных в картотеку жертв. Вопрос о тех, кто благополучно заколачивал гвозди в распятого и теперь получает пенсию, я не рассматривал. Это другая проблема. Я не возражал бы против отдельных показательных процессов выживших палачей прошлого; но гораздо неотложнее другая задача: провести публичную судебную реабилитацию жертв юстиции последних десятилетий. Это предложение С. В. Калистратовой хочется решительно поддержать. Тогда сами собой выплывут фамилии живых судей-преступников, психиатров-преступников и других лиц, находящихся на действительной службе, с которой надо бы их уволить...

С. И. Грибов (Харьков) считает, что я вообще недооцениваю закон, право. «Встает неизбежный вопрос: если понятие о преступлении и неразрывно связанном с ним наказании входит одним из главнейших компонентов в кодекс нашей морали, смысл которой — гарантировать возможности для жизни, то каким же образом сделать так, чтобы наказание не перерастало границ справедливого возмездия и не плодило нового зла? Какими нам быть сейчас, в той конкретной ситуации, которая сложилась в нашей стране?»

Ответ мне представляется таким: институт наказания должен быть предельно открытым и демократичным, с обязательной обратной связью, с правом широкого участия в нем общественных масс, то есть того самого народа — носителя жизни с его, пусть еще и несовершенными, с абсолютно-философ-

ской точки зрения, представлениями о справедливости...

В системе «преступление-наказание» есть еще одно звено, делающее систему открытой, способной к развитию. Имя ему — покаяние. И тут я полностью солидарен с Г. С. Померанцем. Но покаяние в особых случаях не исключает наказания. Жесткой конфронтации между ними нет».

Я согласен с этим, но еще раз напоминаю, что речь в моей статейке шла о мертвых, которые не то раскаялись, не то так и умерли нераскаянными. И моя точка зрения — что в сомнительных случаях лучше включить в картотеку нераскаянных мерзавцев, чем исключить раскаявшихся. Мне хочется здесь вспомнить один мелкий эпизод, сыгравший большую роль в моей жизни.

Весной 1950 года я был переведен с Малой Лубянки в Бутырки и получил возможность пользоваться ларьком. Деньги на счету были, я написал, что положено. Но как-то неудобно стало есть колбасу, когда в камере были немущие, шестеро из 33-х. Я предложил реформу: отделять немущим не только хлеб, но десятину от колбасы, масла и лука. Принято было единогласно. А потом старый эсер, с которым я играл в шахматы, сказал мне, что два человека жаловались ему: они не решились возражать, но теперь сердце у них обливается кровью, глядя, как на деньги, которые жена отрывает от детей, чтобы подкормить мужа перед лагерем, мы кормим стукача. Один из шести, с бегающими подслеповатыми глазками, действительно был камерным стукачем, «наседкой», а в прошлом — полицаем. Я не спал ночь и думал: каким образом исключить мерзавца? И к утру додумался, что любой хороший закон идет на пользу какому-нибудь мерзавцу. Без гарантий прав мерзавцев, подонков, сукиных детей никто не защищен от бессудных арестов, пыток, расстрелов. Поди докажи, что ты не мерзавец. Достаточно объявить тебя «троцкистско-бухаринским мерзавцем» — и ты вне закона...

С этой точки зрения, я настаиваю на праве каждой жертвы бессудных расправ считаться **жертвой**. Американский индуст Рам Дас (Альперт), работав-

ший со смертниками, рассказывает, что многие закоренелые бандиты испытывали глубоко преобразование, почувствовали реальность вечности и стали другими людьми. Есть советский документальный фильм о преобразении смертника. В каждом отдельном случае ничего нельзя доказать, но, по моему, не надо бояться излишнего милосердия. И я предлагаю исходить из «презумпции раскаяния».

Покончить с инерцией ненависти — гораздо более важное и неотложное дело, чем утвердить справедливость. Выход, найденный Франко, — собрать прах всех жертв, белых и красных, и поставить надо всеми один большой крест, — кажется мне верным. Любопытно, что этот пример одновременно вспомнился и Глебу Павловскому («Век XX и мир», 12/88). И обоим нам пришли возмущенные письма. «Вероятно, и у нас не многие упорно б возражали против общего памятника всем павшим в гражданской войне, участникам и жертвам, — пишет В. А. Лещинский, — крестьянам, солдатам, рабочим, офицерам, комиссарам, священникам, интеллигентам, детям Поволжья и всем другим... Другое дело **необъявленная** гражданская война, мир в которой еще не подписан. Большую часть времени она шла в форме геноцида. А это уже другое качество. Сталинизм не имеет прецедентов в мировой истории... Даже Чингисхан и Гитлер — иное... Сталинизм — это начало принципиально нового ряда (красные кхмеры доказали, что не конец). Нам еще предстоит создать критерии своего рода суда народов...»

Мне приходилось разговаривать с немецким профессором Вольфгангом Айхведе; он горячо доказывал мне, что Гитлер хуже Сталина. Для многих европейцев самое чудовищное преступление века — холокост (гитлеровский геноцид). Корректнее поставила эту проблему покойная Е. К. Огородникова-Романова. Помню ее слова: «Для меня, как для русской, Колыма хуже Освенцима». Я подчеркнул откровенное признание субъективности, которого Лещинскому не хватает. Каждому больше собственные язвы... Но с основным направлением мысли его я согласен. У нас чудовищно тяжелое духовное, нравст-

венное, правовое наследие, невероятно трудная проблема суда истории. Однако стремление к справедливой оценке не исключает милосердия.

Что касается суда человеческого (над живыми), то я не юрист и предоставляю юристам решить, как быть со сроками давности, с проблемой подчиненного, выполняющего приказ, и т. п. Я только предлагаю не забывать нечто более высокое, чем право: бесконечность человеческой души, непредсказуемой в своей способности к покаянию.

Эти проблемы заново встают в откликах на статью «Зло» Арсения Борисова. Оба потока писем настолько перекликаются, что меня попросили ответить на все сразу. Противники отмены смертной казни так же не хотят думать о способности преступника раскаяться, как А. И. Кудрин — о совести расстрельщика. О. М. Сердюк (Ленинград) настаивает, что нам не до сантиментов; и если допустимо убийство на войне и при самозащите, то почему недопустим расстрел? «Раз есть особые случаи, позволяющие делать исключения из правил, то позволите к особым случаям отнести состояние нашего общества сегодня. Наше общество цивилизовано всего на 10 копеек, и потому безнравственно сегодня развязывать руки безнравственным элементам нашего общества отменной смертной казни. Запомните, будьте добры: каждая жертва убийства частично ляжет на совесть тех, кто отменит смертную казнь».

А. С. Шашлов (Фрязино Московской области) приводит один за другим случаи чудовищно жестоких убийств, о которых сообщалось в печати и по телевидению, и бросает вызов гуманистам: «Предложить бы таким преступникам убить вашу жену, дочь, сына, внука и посмотреть бы на вас со стороны, как бы вы лобзались с преступником-убийцей...»

Вл. Душенко (Запорожье) подтверждает необходимость смертной казни законами Моисея. «Христианское всепрощение не нашло себе подражания. Мафии, злодеи всякого рода размножаются в большом количестве, зная, что им простят убийство». Довод, правда, не совсем логичный: преступность увеличивается, хотя смертная казнь не от-

менена. И все чудовищные случаи, которые перечисляет Шашлов, тоже не были следствием чрезмерного гуманизма...

Г. Н. Плешаков (Саратов), в противоположность В. Душенку, исходит не из Ветхого и Нового Заветов, а из Маркса и Ленина. По Марксу выходит, что лучше бы без смертной казни, а по Ленину — что без расстрелов не обойтись. Плешаков выбирает авторитет, который ему больше по душе (ленинский), хотя то, что он цитирует (о необходимости расстрела взяточников) относится, скорее, к крайностям революционного правосудия, от которых хочется отойти.

Во всех письмах за смертную казнь господствует страх перед бандитизмом, непосредственное чувство страха, хватающегося за смертную казнь, как за первый попавшийся тяжелый или режущий предмет. Напротив, противники смертной казни свободны от этого страха и больше думают об отдаленных последствиях жестоких законов.

Кто заинтересован в институте смертной казни? — спрашивает А. Г. Тиковенко (Минск) и отвечает: «Государство, его власть... В смертной казни государственная власть всякий раз достигает абсолютного торжества, доказывая, демонстрируя свое величие, и уже потом исполняет справедливость».

Обращение Ольги Бенедиктовой, воспроизводимое на этих страницах, поддерживают члены творческого объединения «Факел Рериха»: «Сегодня наше внимание приковано к фигуре Сталина. Но необходимо понять, что сталинизм не аномалия, а результат непрерывной, исторически нарастающей цепи насилия и расправ. Полный анализ нашей истории не только с рациональных и классовых позиций, но и с позиций гуманизма и нравственности, должен дать понимание, что смертная казнь не может, не должна быть последним аргументом в столкновении идей. Казнить противника — не значит доказать правоту идеи. Казнить преступившего законы общества — не значит оградить идеалы этого общества и доказать их правоту. Казнить — это значит убить человека, а убийство ос-

тается убийством, какой бы высокой целью оно ни оправдывалось».

Письмо кончается словами: «Я против смертной казни». Следует сорок подписей.

Подводя итог, я думаю, что отменить смертную казнь сегодня невозможно; не потому, что это вдохновит преступников; нет, преступников вдохновляет другое: плохая работа следственных органов, возможность ускользнуть от суда. Но невозможно навязывать обществу законы против воли большинства. С. И. Грибов прав: только в ходе практического участия народа в правосудии усвершенствуются народные представления о праве и морали. Однако уже сегодня надо бороться за отмену смертной казни, надо разъяснять ее отвратительные последствия. И не только по тем высоким духовным соображениям, которые выдвинула О. Бенедиктова. Непосредственно едва ли не более важны доводы А. Тиковенко. Число жертв бандитизма — капля в море сравнительно с миллионами жертв государственного террора. Отмена смертной казни за какие бы то ни было преступления — одна из правовых гарантий против рецидивов сталинщины. К этому неожиданно подводит постскриптум к письму В. Душенко. После доводов о неизбежности смертной казни он вдруг спрашивает:

«Какое ваше мнение, начало, развитие и конец зла, когда мясорубка «переработала» миллионы людей. Расстрелы, высылка в Сибирь, ГУЛАГ и т. д. Особенно голод 1933, когда на Украине «выдушили» 7 миллионов. Кто виноват во зле? Кто идейный заправилец? И как горько сознавать, что мы, славяне, душили друг друга...»

Я думаю, потому мы все (славяне, грузины, евреи, армяне и все прочие) убивали друг друга, что была традиция всевластного государства, высоко вознесшегося над личностью. И поэтому отмена смертной казни могла бы стать шагом к усмирению зла, стать символом превосходства личности над государством, символом уважения к бесконечно духовным возможностям личности. Даже если это личность преступника.

Молодой московский журналист Владимир Глотов, воевавший в Афганистане, неоднократно расследовавший по поручениям центральных изданий и информационного агентства Пост Фактум сложные и запутанные конфликты в разных концах страны, июльской ночью погиб рядом с домом от руки неизвестных. Это не единственное убийство журналиста в минувшее лето. Вероятно, следствие установит виновных. Но мы, журналисты, не можем не задуматься о гарантиях безопасности для людей одной из ключевых профессий перестройки. Одна из важнейших гарантий — профессиональная солидарность журналистов и других работников средств массовой информации. Поэтому рядом с последней статьей Володи Глотова мы публикуем информационное письмо международного Комитета защиты журналистов, полученное нами в те же печальные дни июля.

Последний гарнизон

Владимир ГЛОТОВ

Первые кооперативы появились в стране тогда, когда я служил в Афганистане. Прекрасно помню, как, дежуря на рации, читал под коптилкой газеты и совершенно не понимал — о чем, собственно, идет речь? Первые задиристые экскурсии в советскую историю, постоянные публицистические обращения к комсомолу с просьбой не обижать неформалов волновали сердце, и кооперативам на этом празднике души места еще не было. Теперь я уверен, что кооперация — это самое важное из того, что вернула нам цивилизация. Я говорю не о форме труда, а о том забытом нашим народом укладе человеческих отношений, которые рождает независимый труд. Так или иначе, как уклад она всегда присутствовала в людях. Афганистан был последним варварством Системы. Кооперация прервалась не только в людях, но и во времени. И в этом мне видится пока еще непонятный символ.

Когда в декабре 1986 года я бер-

нулся из Афганистана и пришел в редакцию «Комсомольской правды», мне предложили ответить через газету на письмо некоего Николая Т., который писал о своем восхищении афганским братством и стремлении попасть в эту страну, чтобы закалить в справедливой войне свою душу.

Я рассказал ему о том, как когда-то входил с колонной «КАМАЗов» Шиндандского автобата через Кушку в приграничный поселок Торагунди и первым афганцем, которого случилось увидеть из кузова, была пожилая женщина в зеленой одежде, грозившая ревушим машинным кетменем... И только теперь понимаю, что в ее лице нас навидел мирный тысячелетний труд, к которому в очередной раз пришли с оружием в руках, чтобы его подчинить.

Я рассказал Николаю о своем крошечном гарнизоне, что стоял у пустынной бетонки под перевалом Мирза-Робати и обслуживал участок полевого

трубопровода с горючим керосином... О том, как в первый же вечер ребята с соседнего пехотного дота предложили мне сдать в кишлак двадцать бочек топлива и, получив баснословную выручку (20 000 афганей или 1000 чеков), затариться на скорый дембель... Все это выглядело жутко, но на самом деле им нужны были далеко не только деньги и та радость от сигарет до магнитофона, которую можно было приобрести в дукане... Им безумно нравилось торговать — рискуя многим, отвезти бочки в кишлак и при свете «летучей мыши» долго торговаться с местным бородачом. Конечно, упаси нас Господи, от таких кооператоров с автоматом и в тельняшках, но как ни странно, они гораздо меньше боялись этого человека как потенциального врага, чем как хитрого коммерсанта. И этим в чем-то уже отрицали войну.

Я рассказал о том, какая черная дождовщина царила на этом доте, где незадолго до моего возвращения застрелился в нашем деревянном туалете молодой солдат. Ему было приказано закопать на сопочке изрядную сумму денег. Он закопал, но пошли редчайшие в Афгане дожди, размыли почву и унесли с ручьями цветные мусульманские купюры... Я предупредил Николая, что скорее всего, прежде чем он выйдет на бой с моджахедами, ему придется хотя бы попытаться, если есть совесть, выйти на один с несправедливостью своих земляков.

Небольшие гарнизоны, стоящие вдоль глухой дороги на большом расстоянии под прикрытием почти средневековых башен бетонных дотов, и были чаще всего самыми настоящими средневековыми королевствами с аристократией, рабами и бесчеловечными законами... Не сердитесь на меня те, у кого на точках всего этого не было. Проехав от Кушки до Герата, Шинданда и выжженного Фараха, я других не встречал...

Страшно вроде, вспоминая подобное, рассуждать о кооперации. Где связь? И все же связь есть, я чувствую ее, она не дает мне покоя. Случались, слу-

чались ведь непонятные времена, уходил с гарнизона старый призыв, а те, кто жил под ним, не успевали почувствовать власть. И тогда наступала поразительная перемена: весь гарнизон с матерными шутками и неизвестно откуда возникшей любовью друг к другу мог строить весь день себе новую баню, а потом поехать на БТРе подурачиться куда-нибудь к покрытому камышом озерцу, и взять с собой даже совсем молодого солдата «чижика». Не для того, чтобы он чем-нибудь услужил, а просто так — поехали, «зема»! А вечером надывать где-нибудь кровавых гранатов, сесть всем вместе у входа в землянку, слушать космический ветер, плеваться косточками и говорить о всякой ерунде. Теперь понимаю, что это мимолетное очищение и было возвращением тех самых живущих в нас воспоминаний о далеком прошлом или будущем, где не было места власти ради наслаждения властью. К такому отрицанию и стремился всегда кооперативный жизненный уклад, оставая добрый свободный труд, легкую личную и общей пользы, внимание друг к другу...

«Афганистан» идеально вписался в общество, построенное на принципах, с кооперацией несовместимых. Но последняя уже роет яму бесчеловечию. «Афганистан» и кооперация несовместимы. Связь, наверное, в отсутствии каких бы то ни было связей.

Я рискну предположить, что если мы построим кооперативную человеческую державу, то в ней будет невозможен ни декабрь 79-го, ни странное желание закалять душу на войне.

Более того, мне кажется, что если бы кооперация возникла и утвердилась в нашей стране, то «Афганистан» был бы в принципе невозможен. И не только потому, что скорее всего государство руководили бы более умные люди — у всех нас существовала бы иная, мирная точка приложения своих сил. И политически, и психологически мы бы не приняли и не допустили того, что случилось.

Комитет защиты журналистов

Вопрос: Что такое Комитет защиты журналистов?

Ответ: Комитет защиты журналистов — неприбыльная, независимая организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке, задача которой — обеспечивать свободу прессы во всем мире.

В штате шесть человек, в том числе специалисты по регионам и технические сотрудники. В совет входят 25 известных профессиональных журналистов. Почетный председатель комитета Уолтер Кронкайт, а председатель — Джош Фридман. Наш исполнительный директор Анна Нельсон ранее работала и в печатных изданиях, и на радио, в том числе, и достаточно долго в Латинской Америке.

Вопрос: Нуждаются ли журналисты в защите?

Ответ: Многие организации журналистов вносят вклады в нашу организацию, чтобы оказать конкретную помощь своим коллегам в других странах. Основные средства поступают из частных фондов. Мы не принимаем правительственного финансирования.

Вопрос: Есть ли у комитета реальные успехи?

Ответ: В этом году мы одержали ряд ярких побед. Нам удалось оказать давление на министра по делам информации, и пять журналистов в Либерии были освобождены из тюрьмы. Мы вели кампанию за освобождение французского и итальянского журналистов в Афганистане — оба они были освобождены этой весной. «Эспрессо» от 22 мая этого года писал: «Если Ф. Биославо получит свободу, он должен будет благодарить за это многих, и в первую очередь, — Комитет защиты журналистов в Нью-Йорке».

Если нам удастся укрепиться финансово, мы расширим свою работу, особенно в Азии, Африке и Восточной Европе.

Недавно мы отправили своих сотрудников в Чили и Парагвай. В следующем году наш основной проект связан с прессой в СССР, а также с молодой журналистикой стран Тихоокеанского бассейна.

Вопрос: Что конкретно делает ваш комитет?

Ответ: Мы,

во-первых, собираем информацию. У комитета есть сеть добровольных помощников — главным образом журналистов и активистов движения за права человека — во всем мире, которые передают нам сведения об избиениях, арестах, убийствах и т. д. сотрудников средств массовой информации у себя в странах;

во-вторых, уточняем детали по тем фактам, где имеется только минимальная исходная информация, — мы не пользуемся сведениями, полученными из вторых рук, если они не могут быть тщательно проверены независимыми лицами;

в-третьих, в необходимых случаях мы выносим протесты. Мы направляем телеграммы главам государств и другим официальным лицам, чтобы там знали, что мы следим за ситуацией;

в-четвертых, распространяем информацию. Мы направляем ее в профессиональные организации (и получаем ее оттуда). Мы сотрудничаем со Всемирным комитетом за свободу прессы, с Интер Американс Пресс Ассошиэйшн и т. д. Мы также тесно сотрудничаем с группами защиты прав человека, такими как Международная Амнистия,

Комитет юристов за права человека, Организация по наблюдению за соблюдением прав человека;

в-пятых, предаем информацию гласности. Наш исполнительный директор, специалисты по регионам, члены Совета часто выступают по радио и телевидению. В 1988 году мы выступали в национальных программах Эй-Би-Си, Си-Би-Эс, Эн-Пи-Эр и в десятках местных программ. Ежедневно мы получаем информацию о положении журналистов в США и в других странах, а журналисты и научные работники приезжают в Нью-Йорк, чтобы воспользоваться нашими досье;

в-шестых, мы публикуем доклады и имеем свои постоянные колонки в прессе. Наш ежегодный Доклад был использован тремя американскими агентствами печати, пятью телеграфными агентства-

ми, а также использовался в ряде радиопередач и печатных органов в апреле этого года. Наш информационный бюллетень, выходящий раз в два месяца публикует сведения о развитии прессы во всем мире и подробные данные о нарушениях прав журналистов.

Наш новый ежемесячный орган, призывающий журналистов к профессиональной солидарности, сообщает о критическом положении их коллег во всех странах мира.

Координаты Комитета защиты журналистов:
16 East 42 nd Street
3 rd Floor
New York, N. Y. 10017

Phone: 212/983-5355.
Fax: 212/972-0905.
Telex: 910 250 4794

ПОЧТА

А вдруг?..

Кажется (во всяком случае, так хочется думать и верить), что перестройка медленно, но верно наступает. Однако — и это чувствуют все (одни с тревогой, другие с радостью) — с каждым днем растет и сопротивление ей. Оно и понятно: пружина сжимается. Но можно ли быть уверенным до конца, что под этим давлением пружина сломается, «устанет»? А что, если вдруг она освободится и выпрямится со страшной силой? Гарантии, что история не повторится, нет ни у китайцев, ни у нас. И беспокоит, что мы не готовы к такому повороту.

Поэтому, пока есть время, предлагаем выработать стратегию и тактику поведения сторонников перестройки на случай ее поражения —

в условиях очередного застойного режима. Для этого надо определить пути и средства, формы и методы действий, как индивидуальных, так и коллективных.

Дискуссию по этому вопросу мог бы открыть ваш журнал. Прогрессивные журналисты, историки, социологи, юристы, экономисты, психологи, философы и писатели и работают совместными усилиями определенные рекомендации, дадут конкретные советы. Наверняка уже есть какой-то положительный опыт, накопленный при решении похожих проблем в других государствах, в другом историческом времени. Следует сделать его достоянием всех.

Вадим СТЕПАНОВ,
г. Тамбов.

Унесенные страхом

Положение беженцев в СССР

Г. АКОПЯН, монтажник-верхолаз,
беженец из Сумгаита,

Р. СААКОВ, управляющий делами
Госагропрома Армении

Истоки размывания и обнищания нашей нравственности кроются в массовых депортациях целых народов, организованных в прошлом на государственном уровне. Они послужили начальной школой нашего сегодняшнего тоталитарного поведения. Но история бросила нам очередной вызов. Насильственные миграционные процессы ныне почти вышли из-под контроля государства, обрекая сотни тысяч людей различных национальностей на моральные и материальные потрясения. География погромов расширилась. Мы уже стали привыкать к звучанию слов убийство, поджог, изнасилование, погром, насильственное выдворение из жилища и с работы, но не вникаем в психическое состояние людей, перенесших это на себе, не понимаем моральной подавленности человека, все это пережившего.

С марта 1988 года беженцы из Сумгаита хранят специальные талоны военного коменданта генерал-лейтенанта Краева, гарантировавшие **безопасность их жизни!** Это дополнение к нашей Конституции сумгаитцы окрестили — «поправка Краева». Тогда эта мера была предпринята для выведения людей из шокового состояния и страха, для приостановки бегства армян из Сумгаита. Горько признавать, что после талонов на мясо в стране появились талоны на жизнь. Гарантия безопасности человеческой жизни лежит в основе всей организационно-разъяснительной работы по возвращению беженцев к заброшенным очагам. Однако это не нравственно-этическая, а скорее технократическая норма: человеку должна быть гарантирована свобода в стремлении к счастью!

Эту безгранично емкую общечеловеческую цель формируют не только здоровье и материальный достаток. Главным элементом человеческого счастья является его душевное спокойствие, поддерживаемое добротой и отзывчивостью окружающих на улице, в школе, на работе, на дворовой детской площадке, в яслях, на рынке, на лестничной площадке...

После событий в Сумгаите, Фергане, Коканде, Новом Узене общественности пора проявить углубленный интерес к проблеме беженцев, укрепить социальную защищенность граждан, подвергшихся внутри своей страны принудительной миграции, наделить их емкими социально-экономическими правами и льготами.

У нас подобных законодательных актов нет! Горький опыт, накопленный при оказании помощи беженцам из Сумгаита, показал, что они теряют большинство своих гражданских и социальных прав: на труд, на участие в выборах, на заявления и обращения в судебные органы, регистрацию браков и разводов, на постановку на учет в поликлинике, райкоме, военкомате... А потеря льгот инвалидов, хронических больных, состоящих на диспансерном учете? А непредоставление денежной ссуды, товаров в кредит, подписки на газеты и журналы? А оформление документов при рождении, смерти, захоронении, устройство детей в дошкольные и школьные учреждения, отправка детей в пионерские лагеря? А те же злосчастные необходимые талоны на продовольственные товары? И ведь в числе беженцев не только Герои Советского Союза и Социалистического Труда, депутаты местных советов, ученые, секретари райкомов партии, но и малолетние инвалиды, беременные женщины, физически обесцененные пожилые люди и, конечно, — дети, дети, дети...

Беженцы «бегут» 24 часа в сутки, не считаясь с рабочими и нерабочими днями, потому что большинство массовых преступлений совершаются вечером в пятницу, и затем, в выходные дни, получают интенсивное развитие. 27 февраля — в Сумгаите, 16 июня — в Новом Узене, 9 июня — в Коканде, 20 мая — Фергане...

Удивительно, но в условиях компактного городского и сельского проживания с развитой инфраструктурой общественно-политических и правоохранительных органов, начиненных всеми видами инженерно-технических средств оповещения, для тысяч и тысяч людей вдруг не срабатывает конституционная гарантия безопасности их жизни! А как быть в отдаленных горных поселениях, отрезанных от цивилизации не только бездорожьем, но иногда и обозначением их населенного пункта на оперативной карте «сошедших с неба» внутренних войск МВД СССР? Наконец, как стоять будущим крестьянским хуторам, какими формами и средствами должен самообороняться его глава, иногда у него в семье сплошь представители женского пола — дочери, внучки, мать, бабушки?

Беззащитность граждан СССР при нападении на них преступников наглядно была продемонстрирована в Сумгаите, Фергане, Коканде, Новом Узене. Право телефонного вызова милиции — 02 — перестав быть спасительным средством, превратилось в оповещение следственных органов об уже совершившемся преступлении. Но это уже неважно для жертв — для погибших, изнасилованных, ограбленных, напуганных, выворонных. Суд по делу лезгинки, матери девяти детей, выстрелом из ружья убившей в Новом Узене погромщика-казаха, вызывает большой общественный интерес. Убит один, — защитились и выжили десять. Государство допускает только централизованную форму обороны своего жилища. В цивилизованных обществах должна быть саморегуляция силами самого общества. Право на спасение жизни в своем жилище должно быть в руках каждого из нас. Оно — неотчуждаемо от личности. Надо искать новые формы законного обеспечения этой

безопасности — или признать свое бессилие.

Сегодня наши гражданские права и наша социальная защищенность существуют не непрерывно, а 5 дней в неделю — пока в городе или райцентре действуют отраслевые управленческие звенья. Согласно трудовому законодательству руководители, отдыхавшие в субботу и воскресенье, хотя в городе шел погром, — юридически неприкосновенны! Видно, уголовный мир нашел увязку с графиком нашей бесконтрольности...

При наличии большого количества беженцев, их каждодневных вопросов и обращений, необходимы существенно новые формы организации и координации работ. Сегодня беженцы по многим вопросам продолжают письменно обращаться в Совет Министров республики, обивают пороги приемных республиканских министерств, председателей райисполкомов. И на всех уровнях они просят, просят, просят... Чтобы представить себе этот кошмар, надо самому стать беженцем!

Если сегодня неземлянам доставить капсулу с видеороликами из телепрограмм ЦТ «Время» за май-июль текущего года и газетными вырезками того же периода из распорядительных актов центральных и республиканских органов по проблеме беженцев, то они решат, что у нас на земле не одна, а две проблемы — бегущих и покидающих. Одна проблема — беженцы, которых показывают все средства массовой информации, опереживая беду советских людей, а другая — строптивные граждане, покинувшие места постоянного проживания, относительно которых на протяжении полутора лет издаются директивные акты с постоянными ограничениями при мелких административных поступках.

Общественность же воспринимает существование только тех проблем о беженцах, о которых она оповещена директивными актами. Отсутствие постоянной информации о ходе реализации мероприятий, способствующих восстановлению гражданских прав и социальной защищенности беженцев, усиливает в беженцах чувство покинутости.

При напряженности в регионах появление в населенных пунктах «чужих» создает напряжение, возникают конфликты при «финансовых переговорах». Накопление подобных вопросов в одном сельском поселении может усугубить уже имеющееся напряжение. Поиск обменных вариантов становится уделом смелых и «зажиточных» беженцев. Отсюда обида, злость, новые упреки — и новое, и новое насилие всех форм и оттенков.

Беженцы «бегут» и «покидают» государство не только по политическим мотивам. Они бегут от разрушительных природных катастроф, от войн, эпидемий, от физической расправы зверских режимов, от экологических потрясений, от нравственных оскорблений внутреннего духа индивидуума со стороны некоторых общественных устоев его отечества.

По сей день во многих цивилизованных странах принимают часть советских граждан в качестве беженцев, хотя они пересекли государственную границу СССР на добровольной основе, проведя по месту своей постоянной прописки предварительные хозяйственные сделки по купле-продаже, отнюдь не подвергаясь насилию с применением металлических прутьев, огня и палок. Если такой мигрант по прибытию в цивилизованную страну докажет факт ущемления некоторых своих общегражданских прав, то проживание его в этой стране оформляется в статусе беженца. Ему гарантируют предоставление части политических прав граждан этой страны и регулярной материальной помощи на время изучения языка страны, и для обучения какой-либо специальности до трудоустройства на постоянную работу. Беженец пользуется бесплатными услугами медицинской помощи и рядом других льгот, суть которых — в обеспечении мигранта человеческим прожиточным минимумом. То есть продумана, организована, функционирует и совершенствуется система социальной защищенности человека, добровольно пересекшего границу, без физических преследований.

Почему бы не предоставить любому гражданину СССР в судебном или ином порядке право определения своего статуса в качестве беженца в данной республике, раз имеет место факт постоянного ущемления его гражданских прав?

Общественность города, райцентра, поселения, продолжительное время не принимающая радикальных мер по защите проживающих у них представителей национальных меньшинств, должна предоставить беженцу все материальные льготы для обустройства его семьи в другом регионе.

Довольно лицемерить: раз в стране есть беженцы — должны существовать институты, которые их защищают. Пора создать миграционные службы при исполкомах городских и районных центров. В республиканские органы с обобщенными предложениями и проектами должен обращаться авторитетный миграционный комитет, располагающий необходимым информационным массивом данных по всем проблемам миграции в республике, наделенный особыми функциями внутри республики, функционируя на благотворительной и хозрасчетной основе и взаимодействуя не только с исполкомами городских и районных центров, но и с миграционными комитетами других республик.

Беженцы, покидая родной очаг, надолго лишаются рабочих мест, по принуждению вовлекаются в большие материальные затраты по переезду семьи и перевозке имущества. Все виды компенсационных выплат, включая пособие по безработице, должны финансироваться за счет местных бюджетов и средств предприятий района по месту его бывшей прописки. Централизованные финансовые вливания на союзном и республиканском уровнях только генерируют очередные преступления в районах с деформированной социальной инфраструктурой. Город, райцентр, не обеспечивающий безопасность жизни граждан на своей территории, обязан понести экономическое наказание: статус беженца по международным нормам заполнен массой юридических и экономических льгот.

Беда наша общая, государственная. Это вендетта за социально-экономические, нравственные и территориальные просчеты прошлых лет, вендетта за отсутствие современной многогранной концепции по предупреждению и пресечению массовых насильев в стране. Чтобы не было беженцев, нужна не только глубокая социально-экономическая реформа, но и динамичная новая национальная политика.

ОТРАВА НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Павел ЖОВНИРЕНКО

При всеобщем дефиците можем себя утешить, что все-таки кое в чем (и даже много в чем) мы обогнали страны Запада, даже в расчете на душу населения — загрязненности атмосферы и водоемов, степени разрушения природы, потреблении пестицидов, нитратов, уровне детской смертности и так далее. Участие в декабрьской (1988 года) сессии Академии Наук СССР, целиком посвященной анализу экологической ситуации в стране, других международных природоохранительных семинарах усилило ощущение, что мы с традиционной разухабистостью мчимся к катастрофе. Приведу лишь некоторые цифры, часть из которых публиковалась в печати.

За последние пятнадцать лет процент использования систем оборотно-повторного водоснабжения не только не возрос, но даже снизился с 76,7 процента до 73,8 в промышленности и с 47,3 процента до 43,7 в теплоэнергетике. По всей стране на замкнутые системы водоснабжения переведены лишь отдельные цехи немногим более чем ста предприятий. Только половина оросительных каналов имеют противофильтрационное покрытие. В результате около пятнадцати миллиардов тонн сточных вод — или по пятьдесят тонн на каждого из нас — ежегодно сбрасывается в водоемы без всякой очистки, пять миллионов кубометров в сутки используемых ныне подземных вод загрязнены устойчивыми химическими веществами или находятся под угрозой такого загрязнения; два процента территории СССР засолено, подтоплено, затоплено, шесть процентов находятся в кризисном состоянии. Интенсивная распаш-

ка земли, низкая культура земледелия привели к тому, что две трети общей площади пашни и более половины сенокосов — эродированы. Только предприятиями Украины в атмосферу ежегодно «поставляется» двадцать миллионов тонн вредных выбросов. К 2000 году концентрация углекислого газа в воздухе, естественно, за счет кислорода увеличится по сравнению с уровнем 1956 года ровно вдвое. Хотя цифровые показатели предельно допустимых концентраций (ЦДК) имеются для шестисот соединений, они не могут считаться достоверными, так как основаны на субъективных оценках, при их определении не учитываются суммарный и временный эффекты воздействия таких соединений. И тем не менее, ЦДК превышаются повсеместно и многократно. Например, совсем недавно было сообщено о том, что в сорока процентах рек нашей страны эти показатели превышены в десять и более раз. Из периодических публикаций мы знаем, что количество нитратов в овощах и зелени нередко превышает нормы не на десять — двадцать процентов, а в 100—140 раз.

К чему это все приводит? Если оценивать «по конечному результату», то ежегодно в нашей стране четырнадцать тысяч человек умирают и семьсот тысяч заболевают вследствие чрезмерной техногенной нагрузки, проще говоря, из-за ненормальности среды обитания.

Кризис в экологии налицо. Мы используем природу не как хозяева, а как временщики. Хозяйственный механизм устроен так, что потребители не заинтересованы ни в экономном расходовании природных ресурсов, ни в их реген-

нерации. Действенный, активный контроль за природоохранной ситуацией в стране, предполагающий не только констатацию фактов загрязнений, но и наличие жесткой системы ответственности за их ликвидацию и предотвращение, практически отсутствует, несмотря на огромное количество различного рода инспекций, комиссий, комитетов. Правовой механизм в области охраны природы бездействует.

Примеры, как говорится, на ладони. Еще в 1976 году было принято постановление об охране бассейнов Черного и Азовского морей. Результаты его «выполнения» мы ощущаем все сильнее — с каждым летом все новые районы побережья оказываются закрытыми для отдыха. Понстине «лакумусовой бумажкой» нашей способности изменить что-либо к лучшему является Байкал. Несмотря на несколько самых высоких постановлений, поистине всенародные выступления в его защиту, это уникальнейшее и чистейшее озеро гибнет. А сколько погибло менее знаменитых озер и рек?

Есть ли выход из создавшегося положения? Думаю, что да. И для этого нелишне, по-моему, ознакомиться с опытом некоторых стран, которые в недалеком прошлом стояли перед подобной проблемой, — опытом как положительным, так и отрицательным.

Примерно в одно и то же время — в середине шестидесятых годов — загрязненность окружающей среды в Швеции и США достигла такой степени, что в ряде рек и озер изменения стали приобретать необратимый характер. В октябре 1964 года правительство Соединенных Штатов объявило о том, что, в частности, воды Великих Озер загрязнены бытовыми и промышленными сточными водами до такой степени, что это может нанести ущерб здоровью людей. Из-за катастрофического увеличения количества растворенных сульфатов и хлоридов, численности планктонных водорослей началось быстрое вымирание отдельных видов рыбы. Аналогичная ситуация возникла и в шведских водоемах. Граждане обеих стран проявляли все

большую активность, требуя принятия действенных мер по восстановлению среды обитания. В результате были разработаны национальные программы, принципиально отличающиеся одна от другой.

Правительство Швеции решило сотрудничать в этих вопросах с предпринимателями, то есть финансировать крупные природоохранные мероприятия, выделять беспроцентные кредиты, а иногда и частично погашать стоимость очистных сооружений. До настоящего момента ощутимых результатов это не дало, состояние окружающей среды, в частности, внутренних водоемов, продолжает ухудшаться, о чем, кстати, свидетельствует прошлогодняя экологическая катастрофа в заливах Каттегат и Скагеррак.

Правительство США пошло по другому пути — конфронтации с загрязнителями окружающей среды. В течение всего двух-трех лет фирмам-производителям синтетических моющих средств было предписано полностью заменить фосфаты на менее вредные для среды обитания компоненты, активные меры были осуществлены также против компаний, загрязнявших воздух и водоемы токсическими веществами, такими как ртуть, ДДТ и т. п. Был также принят закон, в соответствии с которым каждый гражданин мог подавать в суд на любую фирму или организацию, которая, по его мнению, нарушает природоохранительное законодательство. Часть выплачиваемого после судебного разбирательства штрафа перечислялась на счет заявителя, что явилось хорошим стимулом для возбуждения подобных дел. В результате не только удалось остановить процесс деградации окружающей среды, но в ряде случаев повернуть его вспять. Так, те же Великие Озера за полтора десятка лет превратились из «мертвого моря» в водоемы, где ныне начат промышленный отлов осетровых.

О чем говорят эти примеры? Конечно, надо избавляться от ресурсоемких технологий, усиливать контроль за использованием воды, воздуха, почвы, направлять больше финансовых средств на

восстановление природы и более эффективно их использовать. Необходимо в ходе восстановления полновластия Советов передать им на всех уровнях органы Госкомприроды, что позволит этому комитету стать действительно государственным, а не правительственным, то есть осуществлять свою деятельность независимо от какого-либо отраслевого влияния. Но не менее важное, на мой взгляд, значение должен сыграть в период становления правового государства Закон. Не постановление, а именно Закон, приравнивающий загрязнителя окружающей среды к преступнику со всеми вытекающими отсюда последствиями, дающий право на возбуждение уголовного дела не только государственным, общественным, кооперативным ор-

ганизациям, но и отдельным гражданам — нам с вами.

Ныне, как известно, ведется активная разработка проекта новой Конституции. Думаю, что среди прочих основных прав гражданина СССР обязательно должно быть оговорено его право на здоровую окружающую среду. Это право в нынешних условиях экологической войны является жизненно необходимым не только для ныне живущих, но и тех, кто будет после нас. Только поставив вне закона тех, кто разрушает природу, мы заставим их сделать переоценку ценностей и понять, что императивом хозяйственной деятельности должна стать не максимализация объема производства и даже не максимализация удовлетворения наших потребностей, а минимализация вмешательства в окружающую человека среду.

Конец гражданской войны?

Чем кончается гражданская война? Периодом в мировой истории весьма редким, уникальным. Периодом, который мы имеем счастье наблюдать сегодня в своей собственной стране.

Несмотря на редкость подобных событий, они хорошо известны историкам. Возьмем для примера гражданскую войну во Франции, начавшуюся, как известно, летом 1789 года, а закончившуюся..? Да, верно — 9 термидора, с казнью Робеспьера кончилась революция. Но не более. Война в обществе, медленно затухая, закончилась только после антиклерикальных за-

конов конца XIX века, краха Буланже, а в особенности — после дела Дрейфуса, в ходе которого французы обрели то, во имя чего и вели гражданскую войну — демократию, объединившую таких разных людей, как Золя и Клемансо.

Гражданская война в России началась в хорошо нам известный день — 9 января 1905 года, в день, когда против самодержавия, сложившейся системы власти, был восстановлен значительный пласт общества, подчеркнут еще раз: не группа, а именно пласт, начавший отныне активно выражать

свое несогласие с властью. Началась гражданская война против авторитарии, **идущая по сей день.**

Первым этапом было свержение монархически-династической авторитарии или самодержавия (отжившей формы власти). В этом были едины и петроградские рабочие, независимо от их партийных симпатий, и командующие фронтами от талантливого Брусилова до бездарного Эверта, равнодушно оттелеграфировавшие, что против отречения царя Николая у них возражений нет. «Готовить» февральскую революцию не пришлось — она свершилась как бы сама собой.

Впрочем, возникшая система власти большинству народа тоже не устроила. Можно привести много частных причин, как-то: продолжение войны, задержка решения национального вопроса и т. д., однако определяющим было то, что в силу накопившейся за века энергетической мощи народ жаждал коренного пересмотра общественных отношений. Начался военный этап гражданской войны (важный момент — наличие у масс громадного количества оружия), вовлекший постепенно и всех «нейтралов» и окончившийся через несколько лет победой политического блока, сначала неоднородного, а под конец консолидировавшегося в партию большевиков.

В 1921—22 гг. произошел поворот к чрезвычайно короткому периоду экономического мира (согласиться на который в тот момент власть была просто вынуждена) одновременно с продолжением войны политической, которую пришедшая к власти партия желала довести до заведомо невозможной абсолютной победы. Естественно, это потребовало свертывания и экономического мира. Начался репрессивный период гражданской войны, что привело сначала к однопартийной системе, а та — к персональной диктатуре. Сложившаяся в государстве

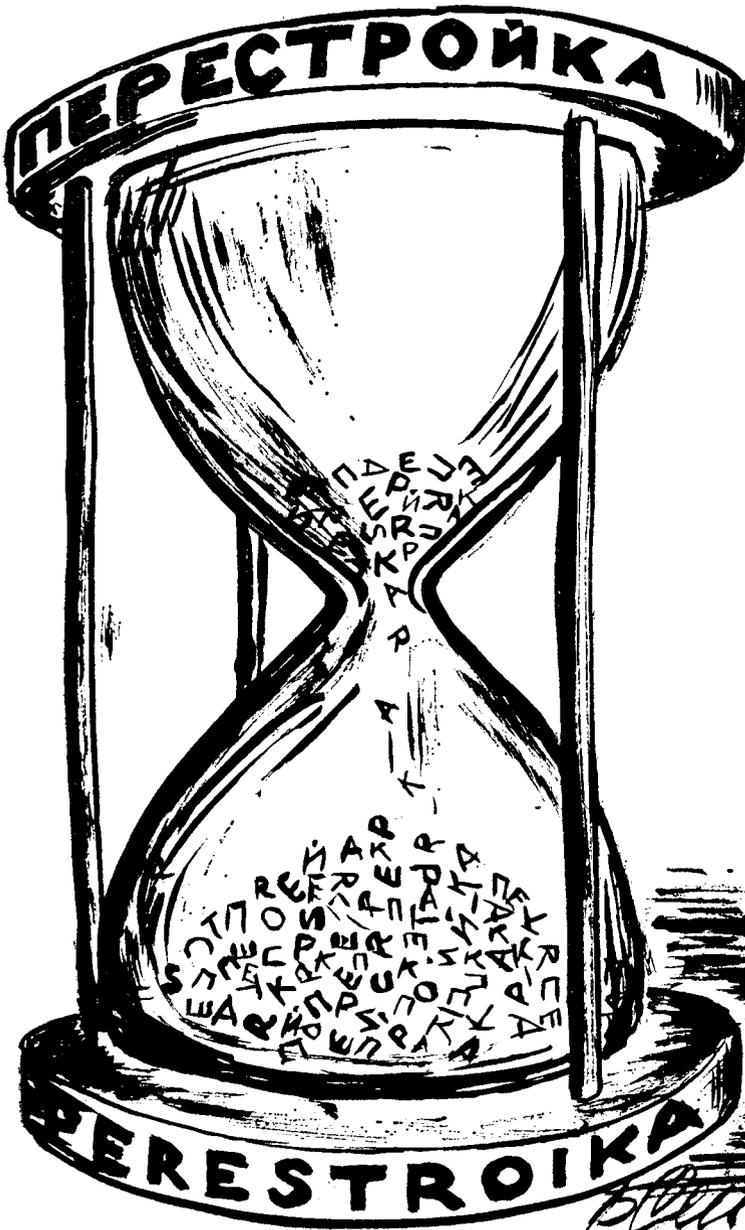
система власти начала войну против собственного, обычно лояльного по отношению к ней населения. Эта система нуждалась в гражданской войне как в условии своего существования: в обстановке гражданского мира она бы неминуемо развалилась.

Ибо что такое гражданский мир? Это демократия экономическая плюс демократия политическая, взаимообуславливающие одна другую. Именно их и жаждут в настоящее время все без исключения народы, проживающие на территории СССР. В послевоенное время, особенно же с начала перестройки, власть начала делать шаги к заключению мира с народом, ею управляемым. Перестройка прежде всего означает **курс на гражданский мир** со своим собственным народом. Если этот мир будет заключен в недалеком будущем (5—10 лет), то он действительно может быть весьма почетным для политической силы, возглавляемой в настоящий момент Горбачевым, и она сохранит значительный вес и влияние. Если же окончание гражданской войны снова оттянется, народ заключит мир помимо партии... Двадцать лет назад, 25 августа 1968 года, на Красную площадь с протестом вышло семь человек, сейчас выйдут сотни и тысячи, а завтра будут сотни тысяч, потому что цепная реакция уже пошла. И никто не желает, чтобы из-за его пассивности мир был бы отодвинут хотя бы на один день.

Мир обязательно будет заключен. Наши внуки, а может быть, и дети вырастут в свободной, красивой и богатой стране. И, возможно, кто-то из них, оглянувшись назад и увидев кровавые зверсты трупов, не раз схватится за голову и воскликнет: «Зачем?!»

Но история на такие вопросы не отвечает.

Петр ИЛЬИНСКИЙ,
г. Москва.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

